

ДЖУНО

ТЫ
ГОТОВА
НА ВСЕ,
ЧТОБЫ СТАТЬ
МОДЕЛЬЮ?

ДОУСОН

МЯСНАЯ ЛАВКА

18+

Young Adult. Миллион способов влюбиться

Джуно Доусон
Мясная лавка

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Доусон Д.

Мясная лавка / Д. Доусон — «Эксмо», 2019 — (Young Adult.
Миллион способов влюбиться)

ISBN 978-5-04-163543-5

«Мясная лавка» – самый обсуждаемый роман Джуно Доусон, популярной английской писательницы, сценариста и журналиста. Шестнадцатилетнюю Яну нельзя назвать привлекательной: высокая, худая и нескладная, с грубыми чертами лица. Но однажды ей выпадает редкий шанс. Девушку замечает менеджер одного из ведущих модельных агентств Лондона. Головокружительный карьерный взлет и высокие заработки сделали жизнь Яны похожей на сказку. Но в мире гламурной моды существуют жесткие правила, и за ошеломительный успех приходится платить высокую цену. «Джуно Доусон проходит по гламуру индустрии моды, совмещая в своем романе настоящий блокбастер с едкими комментариями о модельном бизнесе, образе тела и согласии». – Observer Победитель YA Book Prize 2020 за лучшую молодежную книгу.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-163543-5

© Доусон Д., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Скаут[1]	6
«Престиж»	10
Развитие	18
Новые лица	27
Съемка	34
Ателье	43
Неделя моды	49
Подиум	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джуно Доусон

Мясная лавка

Juno Dawson
MEAT MARKET

© 2019 Juno Dawson

© Е. Мигунова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Команде моей мечты: Саллианне, Айвену, Марку, Самар и Максу.
Спасибо, что вы совершенно не такие, как скауты из этой книги.*

*«Мода должна быть формой эскапизма, а не формой лишения
свободы».*

Александр Маккуин

- Ну, давай, я снимаю.
 - А что говорить?
 - Ну, почему ты решила снять этот фильм?
 - Просто настало время это сделать, мне кажется.
 - Почему именно сейчас?
 - Да не знаю я. У разных людей обо мне разные мнения. О том, кто я такая – на их взгляд.
- О том, что случилось. Пора рассказать всю историю, как я ее вижу.
- Клево.
 - Господи. С чего же мне начать?
 - Начни сначала.
 - Кхм...
 - Не торопись. Нам спешить некуда.
 - Давным-давно жила-была я. Родилась я...
 - Стоп, стоп. Может, все-таки не с *самого* начала?
 - Я чувствую себя дурой.
 - Ты молодец. Все будет отлично, обещаю. Давай дальше...
 - Ну, в общем, наверное, все началось в тот день в парке аттракционов.
 - Вот с этого и начни.

Скаут¹

Почему мужики такой отстой?

Я уверена, что за нами кто-то следит. Еще раз украдкой оглядываюсь – точно, он тащится позади. Вот дерьмо. Сначала я его заметила, когда выходила из туалета, и вот он увязался за нами и преследует. Паршиво. В смысле – ну видно же, что мы здесь с классом, на экскурсии. Так какого фига, что с ним не так? Вонючие уроды, если честно.

У меня в заднем кармане жужжит мобильник. Это Ферди. Они вместо «Стелса» отправились на другой аттракцион, на «Рой».

– Они пошли занять очередь на «Рой», – пересказываю я Лорел. Пока мы с ней бегали в туалет, остальные ушли вперед, не стали нас дожидаться. У Лорел мочевого пузыря размером с горошину, клянусь.

Лорел кивает:

– Ладно...

Мы сворачиваем к «Приливной Волне», огибая ее на приличном расстоянии, чтобы не промокнуть, Лорел продолжает что-то лопотать без умолку. Я, сделав вид, что поправляю волосы, снова гляжу через плечо. Ну и хрень. Тот тип тоже изменил маршрут.

Вот, значит, как. Я начинаю немного волноваться.

– ... Я в том смысле, что... – Я пытаюсь сосредоточиться на том, что говорит Лорел, – она прямо из кожи лезет, а зачем? Ну, типа, она сейчас встречается с Харрисоном, это и так ясно, но зачем при всех наглаживать его по волосам и вообще тереться об него, как сука в течке? Она что, никогда не слышала о гордости?

Я снова оглядываюсь. Он продолжает идти за нами. Дерьмо. На вид ему тридцатник, не меньше. В отцы мне не годится: молод, но близко к тому. Мы снова сворачиваем на дорожку, которая ведет прямо к очереди и входу на аттракцион. Он, по идее, изображает вторжение инопланетян: горящая «Скорая помощь», полицейские сирены и обугленная телефонная будка. Очень круто, но...

– Яна, ты слушаешь?..

– погоди, – я перебиваю ее и прижимаю палец к губам, – только сразу *не* оглядывайся, но, по-моему, за нами следят.

– Чего? – Разумеется, первым делом она начинает крутить головой.

– Лорел!

Она оглядывается.

– Кто из них? Вот тот хипстер, что ли?

– Да, – шиплю я. – И он тащится за нами от самого сортира, слово даю.

– Реально? Ух! Ну и страшилище. – На этот раз Лорел, чтобы посмотреть, притворяется, будто откидывает с лица свои длинные, по пояс, волосы. – О боже, Яна, он идет сюда.

– Что?

– Привет! Извините меня, – кричит этот тип.

Да что за черт?

– Иди своей дорогой, – говорю я. Случается, что строители кричат девчонкам какие-нибудь гадости, но чтобы кто-то вот так меня преследовал, такого раньше не бывало. Страшно. Вроде, когда идешь в этот сраный парк Торп, ждешь, что там безопасно, нет?

– Простите за беспокойство, но не могли бы вы уделить мне одну минуту?

– Давай послушаем, что ему надо. Может, ты обронила что-нибудь.

¹ Скаут – человек, специализирующийся на поиске новых лиц, которые в будущем могут стать профессиональными моделями. Здесь и далее прим. переводчика.

– Лорел, нет...

Но уже поздно. Он рулит прямо к нам.

– Ох, девчонки, как же вы быстро ходите... насилу догнал. – Он говорит, а смотрит только на меня. – Привет, меня зовут Том Карни, и я...

Над головой у нас грохочет аттракцион, и голос мужчины тонет в воплях людей в кабинках. Вокруг моего лица взмываются пряди волос.

– Что? – кричу я.

– Я спросил, сколько тебе лет.

Лорел строит ему рожу.

– Она слишком молода для тебя, отморозок.

Этот мужик, Том, улыбается и сует руку в свой рюкзак. Вынимает визитку и машет ею у меня перед носом.

МОДЕЛЬНОЕ АГЕНТСТВО «ПРЕСТИЖ»

Том Карни

Менеджер по поиску моделей

Ничего не понимаю. Кабинки аттракциона снова взмывают над нами, и я слышу только вопли, а губы того типа шевелятся беззвучно.

– Что, простите?

– Я спросил, приходилось ли тебе работать моделью? – повторяет он.

На педофила он вроде не похож, хотя, догадываюсь, *похожи* только самые недотепы. Больше смахивает на гомика или на хипстера откуда-нибудь из Шордича²: вязаная шапочка, пластиковые очки, клетчатая рубашка и рыжая борода. Спорю на что хотите, у него наверняка есть складной велик.

– Вы серьезно? – удивляется Лорел. – *Яна!*

Я игнорирую предостережение в ее голосе. Опускаю глаза.

– Нет, – бормочу я. Ненавижу свой голос, когда нервничаю: начинаю говорить басом. Как здоровенный мужик. Настоящий Хагрид.

– А с агентствами имела дело?

– Нет, – отвечаю я грубым мужским голосом. Он это серьезно? Модельное агентство? Погодите, а это разве не там, где снимают порно? Только *никто* не захочет увидеть порнуху с моей тощей задницей.

– Вау, это удивительно, – говорит Том Карни. – Сколько, говоришь, тебе лет?

– Мне шестнадцать, – отвечаю я.

Июнь, жара страшная, настоящее пекло. Кожа под обрезанными до колен джинсами стала липкой от пота. Еще на мне футболка с Нирваной, на ногах растоптанные кроссовки Converse, которые забыли, что некогда были белыми. Мы только что сдали все экзамены, и в качестве награды школа отправила нас в Торп-парк. Воздух пропитался запахами – пахнет маслом для загара, сахарной ватой и хот-догами, горчицей и кетчупом.

– Не отвечай ему. – Лорел дергает меня за руку. – Он, наверное, педофил. Пойдем найдем училку.

– Вы совершенно правы, что не доверяете мне: есть немало фальшивых агентов, но я клянусь, что тут все легально. «Престиж» – одно из ведущих модельных агентств Лондона. Можете позвонить в офис или зайти на веб-сайт. Тебя как зовут?

Я ничего не знаю о моде и обо всем таком, но «Престиж»... У них работает Клара Киз. А Клару Киз мы любим. Она наша, местная.

– Я Яна. Яна Новак.

² Шордич – богемный район Ист-Лондона, в клубах и барах которого собираются молодые представители творческих профессий и законодатели мод.

– Как мило. Откуда ты?

– Из Баттерси. – Услышав мое имя, люди всегда задают *этот* вопрос. – Но мои родители сербы.

– Прекрасно. Ты знаешь, какого ты роста?

Длинная, как жердь.

– Не знаю, – говорю я и дергаю плечом. – Где-то пять футов одиннадцать дюймов³. – Надеюсь, что так. Не хочу быть шестифутовой⁴ каланчой. Поэтому всегда занижаю свой рост, так, на всякий случай.

Сверху снова пролетают кабинки.

– Послушай, – говорит Том, – возьми мою визитку – там есть номер телефона. Я на тебя не давяю, но, если захочешь, обсуди все с родителями, и мы договоримся о деловой встрече в нашем офисе.

Между нами втискивается Лорел.

– Вы серьезно, это все по-настоящему?

– На сто процентов. Это – моя работа. – Он улыбается. Зубы у него как домики в «Монополии»: слишком ровные и белоснежные, чтобы быть настоящими. – И я делаю ее хорошо! Езжу на праздники, в тематические парки или еще куда-то, где много подростков, чтобы найти новые лица.

– Хорошая работа. – Глаза у Лорел круглые, как монеты. – А как насчет меня? Как вы думаете, я могу стать моделью?

Ой, Лорел, умоляю, не надо. Не позорься перед ним. Подыгрывая ей, Том делает шаг назад и окидывает ее оценивающим взглядом. Лорел *гораздо* красивее меня. У нее симпатичный нос пуговкой и пухлые, как от аллергии, губы, от которых пацаны просто тащатся.

– Как тебя зовут?

– Лорел Росс.

– Знаешь, Лорел, ты и правда очень хорошенькая. Но какой у тебя рост?

– Пять футов пять дюймов⁵. – Ее голос затихает. – Но на каблуках больше!

Он сочувственно улыбается.

– Честно говоря, мы не рассматриваем девушек ниже, чем пять-восемь⁶.

– Но у Кейт Мосс рост пять-семь...

Том улыбается.

– Но Кейт Мосс – это Кейт Мосс.

– А, ну да. Ладно.

– Яна, а вот ты подумай. Я бы очень хотел, чтобы ты позвонила. Seriously.

Лорел меняется в лице. С широко открытым ртом она что-то лихорадочно строчит в своем мобильнике. Я смотрю на Тома. И трясую головой.

– Я? Что, правда?

Том усмехается.

– Яна, буду откровенен, я *поражен*, что тебя до сих пор не выловило другое модельное агентство. Уговори родителей, пусть мне позвонят, ладно? Хорошего дня. Смотри не обгори на солнце.

Сделав шаг в сторону, он тут же сливается с толпой испанских туристов, так что я уже не понимаю: может, все это мне просто привиделось? На свежем воздухе и не такое бывает.

³ Чуть больше 180 см.

⁴ Почти 183 см.

⁵ 165 см.

⁶ Почти 173 см.

– Господи, Яна! Нет, ну надо же, ты представляешь?! – Лорел все-таки тоже его видела, значит, мне не показалось. Она переминается с ноги на ногу, как будто снова хочет в туалет. – Скорее! Надо найти Сабу и остальных!

Я пожимаю плечами. Смотрю на блестящую визитку в своей руке. Провожу большим пальцем по выпуклым буквам. На ощупь карточка кажется почему-то *дорогой*, и у меня такое чувство, будто я получила золотой билет от шоколадного придурка Чарли.

– Ну вот. Это был ГРАНДИОЗНЫЙ МОМЕНТ.

– Чем это он такой грандиозный?

– Тем, что... все изменилось.

– К лучшему или к худшему?

– Яна!

– К лучшему. Сначала.

«Престиж»

В моей семье все довольно высокие. Папа высокий, мама тоже немаленькая. Даже Милош уже довольно длинный. Так что сразу было понятно: я тоже вырасту высокой.

По этой причине сейчас мне приходится наклоняться, стоя перед зеркалом, потому что моя спальня на чердаке и в ней idiotский скошенный потолок. Не поверите: я могу выпрямиться только в середине комнаты.

Кажется, я схожу с ума. Я реально не могу представить, что *кому-то* может прийти в голову сделать из меня модель, чтобы демонстрировать хоть *что-то*. Да, я безумно высокая, и я знаю, что манекенщицы обычно тоже высокие, но я же похожа на долговязое пугало. В школе я притворяюсь, будто не слышу, как меня называют Великаншей, Девушкой Халка, Мадам Максимум, Транссексуалкой, Худосочным Голиафом, Громилой, Слендерменом (эта кличка, если честно, даже мне самой кажется довольно забавной), Дылдой, Каланчой, Куин Конгом. Но я всё слышу. Проезжаются если не по поводу роста, так по поводу комплекции: «*Ой, она, наверное, анорексичка. Только посмотри, до чего у нее ноги тощие! Прямо прутьики!*» Так что я устраиваю шумные представления с песнями и плясками: пусть все видят, как я смачно ем чипсы. «*Тогда у нее, наверное, булимия*».

Я в купальнике – единственном бикини, какое у меня есть, фиолетовое в бирюзовый горошек. Я надела его всего один раз – два года назад на Миконосе, – но ходить в нем при всем честном народе не смогла. В нем я чувствовала себя голой, так что потом всю неделю не снимала футболку. В итоге домой вернулась такой же бледной (прямо готка), что и до отъезда. Сегодня мне придется раздеваться перед незнакомыми людьми. Меня об этом предупредили. Что ж, по-моему, это честно, что они хотят увидеть мое тело. Но уж больно это тело нескладное. Не *сексуальная* фигура, как у Кардашьян. Ни сисек, ни попы – одни кости и суставы, я похожа на ходячий мешок с костями. И *смазливой* меня не назовешь: мне достался папин нос крючком.

Мальчишкам в школе нравится Эмили Портер (чашечки размера D) или Тиана Блейк (DD), а не я – и хорошо, у меня все равно есть Ферди, и, пока я ему нравлюсь, на остальных мне плевать.

Ох-ох. Блин, во что, интересно, надо наряжаться, когда идешь в модельное агентство? У меня нет красивых тряпок. Красивые тряпки мне не идут. Покупать-то приходится в секции «Большой рост», а иначе рукава заканчиваются чуть ниже локтя. Я выбираю сильно зауженные джинсы и футболку в черную и белую полоску, потому что Лорел говорит, что в ней я похожа на француженку, да мне и самой она кажется стильной. Ноги я пихаю все в те же облезлые и потертые конверсы.

Сбегаю вниз, чтобы позавтракать, хотя я дико психую, и желудок сжался до размеров изюмины. Со мной так уже было, когда сдавала экзамены. Продержалась я тогда только на честном слове и «Имодиуме»⁷.

– Гляньте, а вот и наша модель. – Это Милош. Ехидный мелкий засранец.

Проходя мимо, шлепаю его по макушке.

– Мам! Ты видела? Она только что на меня напала!

– И поделом, заслужил, – улыбается мама, плюхая мне на тарелку теплый тост. – Поешь, пожалуйста.

– У меня явно сотрясение мозга, но ладно. – Милош ставит свою тарелку в посудомоечную машину и бежит собираться в школу. Ему еще целых две недели учиться. Сочувствую поганцу.

⁷ Лекарство, которое помогает организму справиться с диареей, вызванной гастроэнтеритом или воспалительными заболеваниями кишечника.

Намазав на тост немного нутеллы, я решаю проверить, может, мой урчащий желудок и впрямь проголодался.

– Что ты будешь пить – чай, кофе, сок? – Мама никогда не сидит на месте, порхает по кухне, как угорелый мотылек. Может, потому мы все такие худые: не умеем расслабляться.

– Лучше сок. Фу-у, а яблочного нет?

– Его Милош допил. Остался только апельсиновый.

– Мам, яблочный же был для меня! Милош нарочно его прикончил! Он его даже не любит!

Она воздевает руки вверх.

– Выйду сегодня, куплю еще.

– А папа где?

Вторая дверь, ведущая из кухни в наш маленький садик, открыта, и я решаю, что папа завтракает там. День снова выдался солнечный. Все говорят, что это – самый жаркий июнь в истории.

– Он уже ушел.

– Ой. А я думала, он с нами...

– Нет, у него сегодня утренняя смена. – Папа водит поезда метро на линии Бейкерлоо. Блин. По крайней мере, он на моей стороне. На самом деле. – Яна. Ты уверена, что хочешь этого?

Я закатываю глаза и делаю большой глоток апельсинового сока.

– Уф, он еще и с мякотью? Блин, почему ты всегда...

– Яна Катарина! – Ну, началось... Так я и знала.

Я вздыхаю.

– Папа согласен...

– Дело не в папе. Сама ты что думаешь?

– Думаю... – Я медленно тяну каждое слово, потому что мама никогда ничего не забывает и потом использует все, что я сболтну, как улику против меня же. – Думаю, что стоит сходить туда и послушать, что они скажут. Ты же не против?

Мама поджимает губы и кривится, как будто у нее лимон во рту. Так она всегда показывает, что НЕДОВОЛЬНА.

– Мам?

– Я считаю, что если уж ты хочешь стать моделью, можешь стать ею через два года, когда окончишь школу.

Нет, мама не врубается. Обычно я затыкаюсь и держу язык за зубами, но сейчас-то другое дело. Не то что тогда, когда мне в двенадцать лет приспичило учиться играть на виолончели – чистая глупость. Хотя в чем-то она права. Не могу сказать, что с детства только и мечтала об этом. Нет, я хотела стать стюардессой или динозавром. Но сейчас мне подвернулся этот шанс, упал прямо в руки – и я не хочу делать вид, что этого нет.

– Мам. Ну что такого-то? И потом, вдруг это – единственная возможность? Что, если я сейчас откажусь, а потом не получится – и выйдет *пишик*? Может, я должна именно сейчас держаться за шанс двумя руками, чтобы не упустить его? Может, через два года уже никому не буду нужна! И всю жизнь потом проведу, сожалея о том, что могло бы случиться? Не хочу я умереть с мыслью, что не воспользовалась шансом. А проверить все это можно только одним способом.

Мама улыбается.

– Знаешь, в чем твоя проблема? – Она нежно стискивает пальцами мой подбородок. – Ты слишком умная. – Я смеюсь, а мама, отвернувшись, продолжает загружать посудомоечную машину. – Твой дедушка *мне* всегда так говорил.

Она очень, просто очень редко рассказывает о бабушке и дедушке. Мы с Милошем знаем, что лучше не приставать с расспросами: это из-за войны.

Я заканчиваю завтрак, запихивая в рот оставшуюся половину тоста.

– Может, я еще им не подойду, – говорю я. – Может, этот Том Карви на солнце перегрелся, вот и увязался за мной.

Я бы, кстати, не удивилась: все-таки на голове у него была вязаная шапка – и это в двадцать пять градусов жары.

От Клэпхема до Оксфорд-стрит ехать недалеко. После завтрака я успеваю еще почистить зубы и сбегать в туалет (где меня пронесло на нервной почве), затем мы с мамой бежим к метро, срезав путь через Уинстенли Эстейт. Мама рассказывала, что, когда они с папой впервые приехали в Англию, этот район был огорожен и охранялся полицией, потому что недели не проходило, чтобы там кого-то не зарезали или не застрелили. Сейчас – хотя на вид кварталы по-прежнему страшны, как смертный грех, – жить в них, по-моему, неплохо: много зелени, детская площадка с качелями и горками, по обочинам дорог растут деревья, а когда проходишь мимо карибского кафе, оттуда всегда пахнет курицей по-ямайски. Что может быть лучше?

Мы садимся в наземное метро до Воксхолла, а там пересаживаемся на линию Виктория. Я так нервничаю, что даже не играю на мобильнике, а просто смотрю в окно, пока мама листает «Метро». Маме не нравится, когда мы ездим в центр одни (даже если с нами Лорел, или Саба, или Ферди, или Робин), потому что боится террористов и убийц – и все равно я могу доехать до Большого Топшопа с закрытыми глазами. А сама мама, даже прожив здесь столько лет, толком Лондона не знает. Говорит, он ее выбивает из колеи. И до сих пор иногда заговаривает о том, чтобы «поехать домой». А я другого дома не знаю.

Мама уже *много* раз разговаривала по телефону с Томом, и он дал нам такие подробные инструкции, как добраться до агентства, что и идиот не заблудился бы; хотя гугл-карты справляются ничуть не хуже. Вообще, Тому пришлось долго уламывать маму, пока она, наконец, согласилась, чтобы я поехала на встречу: по-моему, она боится, что меня продадут в сексуальное рабство или что-то подобное. И только фраза: «Миссис Новак, мы – представители Клары Киз» – убедила ее, что там сидят не преступники. Про Клару даже моя мамочка слышала. Еще бы не слышать: она ведь из нашего квартала. По крайней мере, жила в нем когда-то давно.

Мы выходим на Оксфорд Серкус, пробежав мимо противного мужика без зуба, который называет меня «преlestницей». Лондон, что вы хотите. Тут не соскучишься. Офис «Престижа» совсем недалеко от станции метро, только пройти чуть-чуть по Маршалл-стрит, которую мы находим без труда. Еще не час пик, но лондонцы несутся по тротуарам, почти не отрывая глаз от экранов своих мобильных.

Я знаю, что мама тоже нервничает. Она нарядилась как на свадьбу или как на какой-то банкет – в свое летнее платье в цветочек, которое купила два года назад, на их с папой двадцатую годовщину. И даже накрутила волосы. А она *никогда* не красится. Ясное дело, не каждый же день сиделке, беженке из Сербии, приходится иметь дело с людьми из мира моды.

– Ну вот. Кажется, это здесь, – говорит мама, хотя это и так ясно. На шикарной стеклянной табличке над дверью красуется надпись: «МОДЕЛЬНОЕ АГЕНТСТВО “ПРЕСТИЖ”». Выглядит как любой другой обычный офис. Я ждала чего-то более... чумового, наверное.

– Мам, мне что-то нехорошо. – Честное слово, я в жизни не думала стать моделью. Вот прямо от слова «никогда». Но сейчас кажется, что, по идее, *логично* было бы стремиться к этому. Ну, типа, кто же откажется стать моделью?

Мне сдается, что ключ к разгадке кроется в самом названии: ты – идеал, образец того, как должен выглядеть человек.

– Все будет хорошо. Они сами тебя позвали, помнишь? Значит, ты им нужна.

Хорошая точка зрения. И хватит об этом. Ну почему я так нервничаю? Надеюсь, у меня под мышками нет кругов от пота. Это не круто. Я и так уже дико *смищена*, представляя, как я заявлюсь туда: «Привет, меня зовут Яна, и я вся из себя *такая* красotka, что могу быть моделью», хотя на самом-то деле отлично понимаю, что похожа на лося.

Это Ферди принял за меня решение – по дороге из Торп-парка, когда я в автобусе сказала ему, что произошло.

Сама я не приняла этого всерьез: ясно ведь, что это полная ерунда и нелепость, но Ферди рассудил по-другому.

– Модели, – сказал он, – не должны быть красивыми, в них должна быть изюминка. А у тебя она есть.

Люблю я этого пацана.

Ну и, шутки шутками, его слова заставили меня задуматься. С вершины многоэтажного дома Ферди открывается вид на Темзу, на берег реки, очень шикарный: Фулхэм и Челси, показушные апартаменты со стеклянными стенами, балконами и садами на крыше. Сказать вам, кто в таких хоромах живет? Они самые, эти сраные модели, вот кто.

Богатые и знаменитые. Все хотят быть богатыми и знаменитыми, скажете, нет?

Мама входит в агентство первой, я иду за ней следом.

И у меня захватывает дух. Внутри, за дверью, светло, очень светло, все белоснежное, как в рекламе зубной пасты. Я как будто оказалась в другом измерении. Время остановилось и...

И снова пошло. Это всего лишь офис. Честно говоря, он мало чем отличается от приемной зубного врача или ветеринара. Прямо напротив двери – маленькая стойка. Женщина за ней – *наверняка* бывшая модель – примерно процентов на восемьдесят семь состоит из скул. Хотя в любом случае вряд ли модельное агентство наняло бы уродину встречать всех у входа.

– Привет, – говорит эта красавица с теплой улыбкой.

– Привет, – отвечает мама, и я радуюсь, что мне можно промолчать. Пусть уж мама: тем более она включила свой классический английский, как у королевы Елизаветы. На таком она разговаривает только по телефону или на родительском собрании. – У нас назначена встреча. Это Яна Новак.

По улыбке женщины-администратора я вижу, что она поняла, о ком речь.

– О, конечно. К Тому? Сейчас узнаю, может ли он вас принять. Мне кажется, у них пока встреча. Один момент.

Она поднимает трубку и набирает номер.

Меня ждут. Так это не дурацкий розыгрыш. Убиться веником, я и не думала, что эта встреча в Торп-парке – всерьез.

– Он сейчас выйдет. Вы пока присядьте.

Здесь довольно шикарно. Мы садимся на мятно-зеленый двухместный диванчик. Отсюда, за стойкой регистрации, мне виден оживленный офис. В нем – два больших белых стола, как два острова, и вокруг обоих, как пчелы вокруг ульев, выются люди, бесконечно звонят телефоны, слышны разговоры на французском и английском языках. Перед нами низкий столик, заваленный журналами – *Vogue, Elle, Tatler, Harpers*. На стене висит плазменная панель, на экране – модели «Престижа». Я мало кого из них узнаю, но при виде каждой я только ахаю: «Ух ты!» Вообще-то, все они сильно смахивают друг на друга: блондинки с золотистыми волосами, золотистым загаром, золотистыми ногами и в золотистом золоте. Ни одна из них даже примерно не похожа на меня.

Откуда ни возьмись прилетает воспоминание. Мне шесть лет, у первого класса семейный праздник – все мамы и папы должны прийти посмотреть представление. Мисс Скипси, наша учительница, разучила с нами песню «Английский сельский сад», мы все должны были петь и изображать цветы, мотыльков и ежей. Кроме меня. Вот так. Лорел была одуванчиком, а Саба – бабочкой, мне же досталась роль сорняка. На мне были зеленые колготки и старый

папин джемпер болотного цвета, а лицо мне размалевали какой-то буро-зеленой краской. Гадский сорняк.

На экране появляется Клара Киз – в этом месяце, кстати, ее фото на обложке австралийского *Vogue*. Она похожа на черную куклу Барби: немыслимые диснеевские глаза, пухлые губы и знаменитая безупречная кожа. Дело в том, что карьерой она обязана не только лицу (и ногам), но и сказке: несчастная сирота, приемный ребенок – ее приметили в «Макдоналдсе» на станции Клэпхем, где она уплетала мороженое «Макфлурри» – я и сама вот так же сидела там миллион раз. Считанные недели – и вот она уже участвует в Неделе моды в Лондоне, и все взахлеб хвалят и называют ее новой Наоми. Но у Клары нет ничего общего с Наоми, кроме цвета кожи. Она – самая настоящая Золушка.

По другую сторону журнального столика в кресле сидит девушка. Ну, уж *эта* точно модель. Она сжимает в тоненьких, как зубочистки, ручках портфолио «Престиж», из-под гладких желтых волос настороженно смотрят глаза с темными кругами, как у енота. Она высокая, но почему-то кажется мелкой; вид у нее какой-то птичий: типа, она птенец, который только что выпал из гнезда на очень высоком дереве. Лет ей примерно как мне, но впечатление такое, что она месяц не спала.

Если им нужны такие, то я в пролете.

– Яна! Привет! – К нам, широко раскидывая руки, бодро шагает Том. Я встаю, чтобы поздороваться, и он меня обнимает. Хм, не надо. Я ценю свое личное пространство. Не люблю обнимашки.

– Как дела? Спасибо, что пришла.

– Нормально, – бубню я. Разговаривать со взрослыми, которые не твои учителя, как-то странно. С учителями говорить тоже странно. Я стараюсь поменьше с ними болтать. – Это моя мама.

– Здравствуйте, миссис Новак. Как приятно встретиться с вами лично. Ну что ж, идем? Все умирают от нетерпения: хотят с вами познакомиться.

Меня подмывает спросить, много ли народу хочет познакомиться с нами, но боюсь показаться ненормальной. Я думала, будет только он. Это что же, мне придется расхаживать в бикини перед комнатой незнакомых людей? Не хочу. И никогда не хотела.

– Сюда, пожалуйста. Нам в переговорную комнату, это наверху. – Следом за ним я иду по офису, сотрудники не смотрят нам вслед, никто и головы не поднимает от своих столов. Тетка с желто-голубыми волосами что-то возмущенно кричит по-французски в трубку, прямо стрекочет, миллион слов в минуту. Видно, кто-то там, во Франции, нехило облажался.

За следующим столом молодая женщина визжит на красивого до идиотизма чувака с волнистыми рыжими волосами. «Да что ж это такое, Шеймус! – вопит она, дергая себя за волосы. – Я тут из кожи вон лезу, тебе же помогаю деньги получить! Ну ты-то... мог ты там хотя бы ПОЯВИТЬСЯ!»

Шеймус, насколько я замечаю, слишком бухой, чтобы вникать. Видно, что сейчас его вообще ничего не волнует.

По узкой лестнице Том приводит нас на второй этаж, где расположена еще одна рабочая зона, сплошь разделенная на маленькие тесные офисы. Один смахивает на тюрьму в фильме «Подмастерье», но мы проходим мимо и попадаем в другую комнату, не такую зловещую, с креслами вокруг журнального столика. Ух ты, на нем миска с зелеными яблоками (спору, их никто не ест – так, декорация).

– Садитесь.

На диване уже сидят две женщины. Одна – очень классная азиатка с очень короткой бирюзовой стрижкой, а вторая – очередная супермодель на покое. Ключицы такие, что она может ими глаз вам выколоть.

– Привет! – здоровается Стриженная, вставая, чтобы нас поприветствовать. – Я – Ро, руководитель отдела по кастингу и отбору новых лиц. Приятно познакомиться, Яна.

– Здравствуйте.

– Привет, Яна, меня зовут Ческа Дебретт, я возглавляю Женщин. – Честно говоря, она действительно выглядит так, будто может возглавить Всех Женщин Мира. Она настоящая богиня – моего роста, золотые кудри распущены по плечам. – Присаживайтесь. Что вам принести – чай, кофе?

Я мотаю головой, но мама просит чай. Том посылает за ним стажера, после чего присоединяется к нам.

– Как ты себя чувствуешь? – мурлычет Ческа очень сексуальным, чуть хриплым голосом. Она наверняка из Челси, стопроцентная, экологически чистая Челси. Я бы поставила на это любые деньги.

Я заставляю себя положить руки на колени. И скрещиваю ноги, как взрослая дама.

– Очень волнуюсь. Извините, – говорю я глухим басом.

– Не за что! – говорит Ро. – Тебе совершенно не о чем беспокоиться, дорогая. Просто нам хотелось встретиться, посмотреть на тебя живьем. Фотографии, которые ты прислала по электронной почте, мы видели, так что экзамена и суда не будет, обещаю!

Я замечаю отправленные мной портреты – один в фас, другой в профиль, – они лежат на столике.

Возвращается стажер с кувшином воды и маминым чаем на подносе.

– Том не закрывает рта с тех пор, как увидел тебя в Торп-парке, – сообщает Ческа.

– Это точно, я все уши им прожужжал! Прости, Яна, я просто не могу поверить, что тебя раньше никто не пригласил. Ты – находка десятилетия!

Я чувствую, что краснею до ушей.

– Том! Не пугай бедную девочку, – одергивает его Ческа и наливает мне стакан воды.

– Яна, дорогая моя, – начинает Ро, – ты просто уникальна. Тебе это известно?

Убейте меня, вот что она сейчас хотела этим сказать?

– Э-э. Угу. Спасибо.

Ческа улыбается.

– Дай угадаю. В школе ребята смеются над твоей внешностью... так?

Черт, как неудобно. Я стараюсь не смотреть на маму.

– Ну да. Иногда. Зовут Жирафой и все такое. И, вообще, я даже в нетбол толком играть не умею.

Они все хихикают.

– Видишь эту стену? – Ческа показывает через стекло на стенку напротив. Там ряды глянцевых фотографий – лица, лица...

– Каждую из этих девушек дразнили – кого Страшилой, кого Пугалом или Жердью... и почти всех Жирафами. А теперь они зарабатывают тысячи фунтов.

– Яна, у тебя суперская, уникальная внешность. – Ро, хлюпнув, допивает латте и гремит кубиками льда в стакане. – Я буду с тобой совершенно откровенна, вряд ли ты можешь, например, стать лицом косметической фирмы: там свои критерии. Зато для эдиториалс⁸ и подиума, О МОЙ БОГ, у тебя потенциал буквально до небес.

Надеюсь, она выразилась фигурально, не в буквальном смысле, но неважно.

– Вы правда так думаете?

– ДА! – выкрикивают они все втроем в один голос.

⁸ Съемка, предназначенная для журнальной публикации.

Раздается стук. Дверь РАСПАХИВАЕТСЯ, и в комнату влетает облако выкрашенных в красный цвет, завитых штопором кудряшек. В тот же миг Том, Ческа и Ро в своих креслах вытягиваются в струнку.

– Привет, привет, привет. Не обращайтесь на меня внимания, продолжайте.

Она старше остальных... под пятьдесят, наверное. Одета безумно, но невероятно эффектно: платье в тонкую полосочку, мягкие мокасины от Gucci (на них прямо так и написано) и больше украшений, чем можно представить себе на одном человеке зараз. – Ну должна же я была забежать, чтобы взглянуть на новое страстное увлечение Тома.

– Яна, – говорит Том, – это Мэгги Розенталь, директор «Престижа».

В следующую секунду я вспоминаю и ахаю. Она перекрасила волосы с тех пор, как я в последний раз видела ее по телевизору. Эта женщина постоянно мелькает в новостях и много говорит о модной индустрии. Это же именно она, Мэгги Розенталь, проходила мимо нашего «Макдака», когда Клара Киз ела там свой «Макфлурри».

– Привет, дорогуша. Это твоя мама? – Она пожимает маме руку.

– Я Рита. Рита Новак.

– Очень приятно. Что ж, Яна. Давай на тебя посмотрим.

Я с грохотом возвращаюсь на землю. Что?

– Поднимайся. Встань!

Я делаю, что мне говорят.

– Встань-ка прямо, милая. Умница. Отличный рост. Пять-одиннадцать?

– Да, кажется.

Она обходит меня вокруг, рассматривая меня со всех сторон.

– Замечательно. У тебя есть при себе резинка для волос, солнце мое?

– Ой, нет. Извините.

– Возьми-ка это. – Ческа протягивает мне эластичный галстук.

– Можешь убрать волосы в хвост, золотко?

– Конечно. – Я собираю все волосы, закрывающие лицо, и связываю их на затылке.

– Прошу прощения за мой французский, дорогуша, но черты лица у тебя чудовищно крупные. Ох, простите, мамочка, – лексикон у меня как у матроса. – И она театрально подмигивает маме. – Что скажешь, Ро? Стрижка?

Ро кивает так глубокомысленно, как будто с самого начала имела этот план в голове.

– Именно об этом я и думала.

– Какой у тебя размер обуви, золотко?

– Шестой.

– Как зовут стажера?

– Невада, – говорит Том.

– Невада! – пронзительно кричит Мэгги, выглядывая в дверь. – Каблуки шестого размера, пожалуйста!

Она нежно берет меня за подбородок и поворачивает мое лицо из стороны в сторону.

– Пойми меня правильно, милая, у тебя довольно мужественные черты. Брови, профиль. Мне это чертовски нравится. Ты очень андрогинна. Андрогинность нынче в моде.

Мне тысячу раз говорили, что я выгляжу как мужик, но никто и никогда раньше не проносил это как комплимент.

Прибегает Невада с парой устрашающих туфель из лакированной кожи на красной подошве. Я уже знаю, что будет дальше.

– Я должна в них ходить?

– Боюсь, что так.

– Я... кхм, я не умею ходить на каблуках. – Я не хочу вдаваться в подробности того, что произошло на выпускном вечере, но в этом была замешана я, туфли на каблуках и падение на инвалида-колясочника.

– Пока не умеешь. Давай-ка, поднимайся и пройдишь с шиком. – Она пожимает мне руку.

Я снова заливаюсь краской, неуклюже сажусь и снимаю конверсы. Под ними у меня носки с сердечками. Вот такая я. От резинок над щиколотками остались ярко-розовые следы. Внутри на туфлях надпись – *Louboutin*. Господи, у них в офисе лабутены в примерочных кабинках. Небрежно так. Саба и Лорел обрыдаются, когда я им расскажу.

Я надеваю их и глубоко вздыхаю.

– Просто попробуй, – говорит Ческа. – Я пока не стала моделью, никогда не носила каблуки. Зачем нам, когда мы и так высоченные, так ведь? Но я тебя пораду: ходить на каблуках мы тебя вмиг научим. Но никто не может научить быть высокой и красивой.

– Давай, пройдишь туда-сюда, – говорит Том. – Не пытайся подражать моделям. Все проще: иди, и все.

Набрав в грудь воздуха, я выталкиваю себя из кресла и взмахиваю руками, чтобы выпрямиться. Пальцы на ногах тут же начинают вопить: «*Ты с ума сошла, втискивать нас в треугольник? У тебя ноги не треугольные!*» Я видела тьму модных показов по телику и все такое. И смотрела «Топ-модель по-британски». Я знаю, что модели ходят не как нормальные люди. Когда Клара Киз демонстрировала «Викторию Сикретс», она шла, как все они, нога за ногу. Может, и мне попробовать? Или лучше просто сосредоточиться на том, чтобы не сломать ногу?

Разворачиваясь, я шагаю к двери. Ноги подворачиваются в лодыжках. Одна туфля немного велика и все время хочет соскочить. Я будто оказалась дома, в пижамке со свинкой Пеппой, мне четыре года, и я напялила мамины шпильки. И хохочу так, что голова отрывается. Фотография до сих пор стоит на каминной полке.

– Смотри вверх, а не под ноги, дорогая, – командует Мэгги, когда я добираюсь до двери. Кивнув, я пускаюсь в обратный путь. Левая лодыжка подворачивается, и я оступаюсь.

– Не сжимай кулаки, малышка. У тебя такой вид, будто ты вот-вот бросишься в драку. – Я и не замечала, что стиснула кулаки. – Пусть руки свободно висят. И лицо расслабь.

Я делаю еще шаг и немного расслабляюсь. Даже начинаю двигаться чуть быстрее.

– Хорошо, золотко, достаточно, – говорит Мэгги. – Господь целует наши намерения.

– Очень плохо, да?

Том улыбается.

– Все прекрасно. Мы видали и похуже, намного хуже.

– Абсолютно, – соглашается Ро. – Сто процентов, что это поправимо.

Тут наконец рот открывает мама.

– Значит ли это, что вы хотите... взять Яну на работу?

Том, Ро и Ческа поворачиваются и смотрят на Мэгги, а та выдерживает драматическую паузу.

– Миссис Новак. Я не часто говорю такое, поэтому дайте мне насладиться моментом. Я не выпущу вашу дочь из этого офиса, пока она не подпишет с нами контракт. Я лягу поперек дверей, если потребуется. – Мэгги улыбается, и глаза у нее блестят. Перегнувшись через журнальный столик, она берет обе мои руки в свои. – Яна, солнышко, для нас будет охренительной честью, если ты согласишься подписать контракт с модельным агентством «Престиж». Ну, что скажете?

Развитие

– И что это такое? – спрашивает Ферди. – Ой, нет, погодь, надо костер потушить, а то полиция опять нас остановит.

Мы играем в «Последнюю фантазию».

Я снова в реальном мире. Моем мире. Нашем мире.

– Да блин. Вот так. – Я заставляю Игниса бегом вернуться в лагерь, прежде чем он сядет в машину. – Развитие – это... ну, не знаю... Развитие.

– Вот сейчас ты реально помогла, детка, спасибо.

Я хрюкаю и ставлю игру на паузу, чтобы сосредоточиться и как следует ему надавать в игре. Сегодня я целый день рассказываю – Сабе и Лорел в общем чате, Милошу дома – и уже слегка выдохлась. Махнув в воздухе обеими ногами, я пересаживаюсь и разворачиваюсь лицом к Ферди, а не к телику. Вытянув ногу, хочу погладить его по щеке босым пальцем, но он отбивается, потому что считает мои ступни слишком большими и грубыми.

– Перестань! – просит он. – Я сейчас блевану!

Я смеюсь так, что чуть не падаю с кровати.

– Наверное, Развитие – это что-то вроде обучения или тренинга. Том говорит, что я уже старовата, чтобы быть начинающей.

– Тебе всего-то шестнадцать. – Ферди перегибается через меня, чтобы дотянуться до пакета чипсов «Уокерс Сенсейшен. Сладкий чили». Кто-то говорит, что бывают чипсы вкуснее, чем «Сенсейшен. Сладкий чили», но эти люди врут. У Ферди мама с папой часто задерживаются на работе допоздна, а сестра работает в ночную смену в супермаркете «Асда», так что квартира в нашем распоряжении. Мы зависаем в его захлавленной комнате – сидим, скрестив ноги, на узкой кровати, а с постеров на стене на нас таращатся Харли Квинн, Дейнерис Таргариен и Дэдпул.

– Я знаю, но часто они приглашают девчонок, которым, типа, лет двенадцать-тринадцать.

Он морщит нос.

– Фигня какая-то.

– Нет, они ждут, когда им исполнится шестнадцать, раньше договор не подписывают. Это не детский труд. – Он протягивает мне пакет чипсов. – Ферди, опять оставил мне одни крошки. Ну ты и гад.

Он ухмыляется.

– Это не крошки, это фрагменты. Улавливаешь разницу? – Он целует меня. Губы пахнут сладким чили. – И что будет дальше?

– Ну, я начну заниматься. Пока что я еле-еле смогла пройти по прямой. Ты бы обхотался, если б увидел меня. А еще на следующей неделе я снова туда поеду, чтобы сделать несколько «цифровых» фоток для портфолио. И, наверное, они меня подстригут...

У Ферди округляются глаза.

– Серьезно? А как?

– Чтоб я знала. Коротко, наверное.

– И ты согласна?

– Мне параллельно. – Я провожу ладонью по бесформенной шапке волос. Сейчас они падают мне на грудь, жидкие концы все еще светлее корней: в прошлом году я умоляла маму разрешить мне сделать мелирование. Она сдалась, но результат меня ужаснул. Вместо светлых и каштановых прядей получилось что-то грязно-желтое, напоминающее по цвету старую половую тряпку.

– Странно, что ты такая спокойная, учитывая, что только что подписала контракт с потрясающим модельным агентством.

Я пожимаю плечами.

– Когда я начинаю об этом думать, странно себя чувствую, поэтому стараюсь не думать.

– Странно?

Я качаю головой. И кручу на указательном пальце серебряное кольцо с черепом, которое Ферди подарил мне на шестнадцать лет.

– Сама не знаю. Как-то... многовато всего.

– Ты же знаешь, ты не *обязана* соглашаться.

– Ага. Нет, все нормально. Просто... в прошлую пятницу я думала только о том, какие предметы выбрать на следующий год. И уже подумывала о том, чтобы после школы поступать на биологический факультет. У вас-то с Сабой полный порядок. Вы знаете, кем хотите быть, когда вырастете.

Он склоняет голову к плечу.

– А ты – нет?

Я пожимаю плечами.

– Ты же знаешь, что нет.

Я правда, *правда* не знаю, и это меня до смерти пугает. В школе весь народ разделился на две части. Тупые безмозглые клоны вроде Хезер Дейли, которая хочет попасть на «Остров любви»⁹, ходить в бикини и прославиться. И люди вроде Ферди, у которых, кажется, уже все расписано: какой универ, какой факультет, какое будущее.

Я же не знаю *ничего*, и это «ничего» такое огромное, что иногда я боюсь, что оно меня раздавит. Мне ничего не приходит в голову, кроме того, чтобы рубиться в «Последнюю фантазию», обжиматься с Ферди и сидеть в парке с подругами. Все это очень круто, и у меня не получается думать о будущем.

– Если я на это решусь, все... все изменится. Это страшно. У меня от этого просто мозг взрывается. Знаешь что? Я всегда чувствовала: со мной случится нечто подобное, но не сейчас, а в двадцать два где-то. Типа: «Та-дам, а вот и я, твоя работа!»

– А что, если это и есть тот самый случай... только на несколько лет раньше?

В таком ключе я об этом не думала.

Ферди берет меня за руку.

– И еще, ку-ку, *я-то* не изменился. Что бы ни случилось, я всегда буду таким же.

От этого мне становится легче.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Вот за что я люблю Фердинанда Каи. Наверное, он мой якорь. Отложив свой пульт, я тянусь к нему, чтобы поцеловать. Я запускаю пальцы в его лохматую черную шевелюру – волосы у него не такие длинные, как у меня, но все-таки длинные. Он замирает, потом снимает очки, и мы снова целуемся.

Бывает два типа поцелуев: поцелуй и... я бы сказала, стартовый пистолет. Наверное. Этот, сейчас, очень смахивает на вступление. Он длинный и голодный. Мы вместе ложимся, и я вытаскиваю из-под задницы пустой хрустящий пакет. Теплые руки уже пробрались под мой топ и дотянулись до груди.

– Ты что, в бикини?

Я и забыла про это.

– Ой, да. В агентстве надела.

– Прямо мисс Америка.

– Дети – это будущее... что-то, что-то и мир.

⁹ Британское реалити-шоу.

Мы снова целуемся. Он тянет мой топ вверх. Я стягиваю с себя топ. И заодно расстегиваю лифчик купальника, а то в нем глупо как-то. Мы прижимаемся друг к другу, тело к телу. Это моя любимая часть. Его пальцы, нежно-нежно касаясь кожи, блуждают по моему бедру, животу, соскам, и от этого у меня мурашки, это восхитительно. Я завожусь в одну секунду.

Я расстегиваю на нем джинсы и просовываю руку в его боксеры. Он твердый, и на трусах маленькое влажное пятнышко. Когда я начинаю гладить его, он стонет. Его бьет дрожь.

– Хочешь?.. – спрашиваю я.

– Ага.

Наступает критический момент. Он, брыкаясь, избавляется от своих джинсов, я, как змея, выскальзываю из своих. Он подвигается ко мне поближе, попутно открывая ящик прикроватной тумбочки. Презервативы он хранит под ящиком, чтобы мама не нашла.

– Хочешь, чтобы я, или ты сам? – спрашиваю я. Я на таблетках, но мы всегда помним, что лишняя предосторожность не помешает, потому что дети еще страшнее, чем модельное агентство. Я совсем не хочу присоединиться к армии девушек, которые толкают перед собой коляски по Уинстенли. По крайней мере, в ближайшие лет двадцать.

– Знаешь, лучше я сам, – бормочет Ферди. Он зубами разрывает упаковку и надевает презерватив. – Ну все.

Я снова его целую, и он забирается на меня. Я раздвигаю ноги. Я выше, но, когда лежим вот так, это незаметно.

– Готова?

Я киваю. Он входит в меня. Мне уже не так больно, как было сначала, но все равно сильно давит. Я закусываю губу.

– Ты нормально?

– Да.

Он проникает немного глубже, и мы оба стонем. Вытянув руку, я берусь за его пятую точку. Вдруг он вытягивается всем телом, как от судороги, я чувствую, как напрягается его задница, а бедра подаются вперед.

– О черт, – шипит он, кончая. – Блин, Яна, полное дерьмо. Прости.

Он вздрагивает всем телом и повисает на мне, как тряпка.

– Да ладно, все хорошо.

Я поднимаю его голову и опять целую, теперь по-другому, более ласково.

Это – просто поцелуй.

Он выходит из меня и смущенно водит пальцем по моему боку.

– Да не переживай, все же хорошо, – повторяю я. Такое впечатление, что момент упущен.

– Ты уверена?

– Конечно.

Он скатывается с меня, убирая волосы с лица.

– Черт, как неудобно.

– Ферди, да все прекрасно! – Я приподнимаюсь на локте и заглядываю ему в лицо. – Мне приятно, что ты заводишься.

– Так завожусь, что кончаю в штаны...

– В этот раз все получилось.

– Ах-ах.

– И мне было приятно.

– Ага, все эти пять секунд.

– Ферди...

Он смотрит мне в глаза, и я выдаю честное-пречестное и суперубедительное выражение лица, говорящее «мне вообще на это наплевать». По крайней мере, я надеюсь, что оно об этом говорит.

Он слегка улыбается.

– Думаю, нам нужно продолжать тренировки...

Я улыбаюсь в ответ.

– Даже не знаю, я буду жутко занята, пытаюсь пройти по прямой...

Он протягивает ко мне руки, и я кладу голову ему на грудь. Закрыв глаза, я слушаю, как бьется его сердце.

Меня клонит в сон, и, кажется, я ненадолго отключаюсь. Проснувшись, я не могу понять, где я.

– Вот дерьмо, – говорю я. – Который час?

– Начало седьмого.

– Боже, я же в шесть должна быть дома. Обещала маме прийти к ужину. Мама собирается обсуждать с папой модельные дела.

Я надеваю нижнюю часть бикини и долго ищу под кроватью верх.

– Звучит зловеще, – комментирует Ферди, надевая очки.

Я закатываю глаза.

– Мама ни хрена в этом не понимает. – В ответ на это Ферди строит мне рожу. – Что не так?

– Что бы ты предпочла? Чтобы она о тебе заботилась или чтобы жестко на тебя давила и выжимала все соки, как в «Мамах в танце»¹⁰?

– Убедил. Мне правда пора идти. – Я быстро целую его напоследок.

– Подожди минуточку, я тебя до дома провожу.

– Я же на велике. Проедусь с ветерком. До завтра, да?

– Ага.

Ферди живет в Бранниган Хаус – одном из высотных жилых домов-башен, которые совет грозитя снести после того, что случилось в Гренфелле¹¹. Коридоры и лифты – что-то с чем-то, но квартира Ферди ничего, хорошая и большая, и из окна офигенный вид на Темзу и электростанцию «Баттерси».

Выйдя из дома, я с независимым видом прохожу мимо группы страшноватых на вид девчонок, которые пасутся на углу, рядом с местом, где я пристегнула велосипед. Я чувствую на себе их взгляды. Девушки стоят тихо, но я продолжаю идти, уставившись себе под ноги, и стараюсь поскорее отцепить байк. Вскочив в седло, я быстренько даю деру. Здесь, в округе, полно всяких шаек, но с ними дело обстоит так: если ты их не трогаешь, они тебя тоже не тронут. Мы – тихие инди-кидс¹² – с ними никак не пересекаемся. К счастью, этот район я знаю как свой собственный, все входы и выходы, проулки и проходные дворы. Я срезаю угол на Чикен Бакет, проезжаю по задворкам за прачечными и парикмахерскими – и через пять минут уже дома.

Пристегиваю велик рядом с домом и как ни в чем не бывало вхожу в квартиру. Как я и боялась, весь дом пропах какой-то запеканкой (кто же откажется от запеканки из микроволновки?). Я опоздала. Не сомневаюсь, мамино настроение от этого только улучшится.

– Прошу прощения! – кричу я. Хорошо бы прибавить: «Я заснула после секса с Ферди», – думаю я, чтобы уж окончательно прикончить предков.

– Торопись, – отвечает мне папа с кухни. – Твой ужин стынет.

¹⁰ Американское реалити-шоу о танцевальной студии для девочек.

¹¹ В 2017 году произошел пожар в жилой башне Гренфелл-тауэр, построенной в Лондоне в 1974 году, погибли более 100 человек.

¹² Инди-культура – антоним коммерческого мейнстрима (массовой культуры), имеет общие черты с андеграундом. Родной инди считается Великобритания, где данный стиль появился в конце 1970-х годов как новый этап развития субкультуры хиппи. Инди-кидс любят видеоигры и комиксы, тяготеют к определенной музыке (инди-рок, инди-поп).

Скинув кроссовки, я шлепаю босиком через гостиную. Они уже едят. В доме Новаков ужин никого не ждет.

– О, смотрите, – радостно вопит Милош, – это же сама Кара Делевинь!

– Я должна была обидеться? – спрашиваю я, садясь за стол.

– Даже не начинайте, – строго говорит папа.

Наклонившись, я целую его в щеку.

– Привет, *тата*.

Штамп, конечно, но я всегда была папиной дочкой. В самом хорошем смысле.

– Привет, кнопка, как жизнь сегодня?

Я смотрю на маму – она внезапно заинтересовалась веточкой аспарагуса.

– Они хотят подписать со мной контракт.

Это от папы я унаследовала свои «ледяные» (это выражение Сабы, а не мое) голубые глаза и черные как смоль волосы. Сейчас его глаза так и горят под густыми черными бровями.

– И что ты решила?

– Зоран, – перебивает мама. – Ей всего шестнадцать...

– Она достаточно взрослая, чтобы иметь свое мнение.

Больше мама ничего не говорит.

– Я им, кажется, понравилась. Они думают, что я могла бы сниматься для журналов и выступать на дефиле. Ух ты, картошка по-деревенски! – Я сую в рот одну дольку. Я – Хэнк Марвин.

Милош явно собирается сказать какую-то гадость, но папа каким-то образом это чувствует и предупреждающе поднимает палец, веля брату промолчать.

– Ты хочешь согласиться?

Вот это вопрос, а? Всем вопросам вопрос. Многие девочки за такую возможность готовы были бы родную бабушку продать. Но почему я не прыгаю от восторга?

– Мне кажется, – говорю я, – это хороший способ заработать приличные деньги. Так Мэгги сказала.

– Кто?

– Владелица агентства, – добавляет мама. – Такая... странная женщина.

– Но она знает, о чем говорит, – встречаю я.

– А как же школа? И университет?

Еще неизвестно, как я сдам экзамены, но следующий этап – университет. Я всегда прилично училась в школе, если не считать физкультуру, а если хорошо сдаешь экзамены, сам бог велел поступать в универ, правильно?

– Ну, я все равно собираюсь поступать, конечно.

Предполагается, что в сентябре мы все идем учиться в Холлитонский колледж.

– У тебя получится совмещать одно с другим?

Я пожимаю плечами.

– Ну да. Пожалуй.

Мама с папой переглядываются – советуются телепатически. Я терпеть не могу, когда они так делают.

– Уточни у них, пожалуйста. Может быть, и мне тоже стоит с ними переговорить. Образование очень важно, Кнопка.

– Я знаю. Ты все время говоришь, что университет – это ужасно дорого... – Я слышала, как мама и папа обсуждали студенческие ссуды и плату за обучение, когда думали, что я на верхнем этаже или еще где-нибудь. Они здорово переживают. Мы все переживаем. У нас нет таких денег. – Может, я поработаю так пару лет и накоплю денег на университет?

Что-то меняется. Неужели я, наконец, сумела настроиться на родительскую волну? Но и телепатом быть не нужно, чтобы догадаться: если мы с Милошем оба пойдем в университет

(мой братец хоть и задница, но он поумнее меня) в ближайшие пять лет, вопрос о деньгах обязательно встанет. Очень серьезный вопрос. Папа неплохо зарабатывает в Лондонском департаменте транспорта, но мама работает на неполную ставку и без контракта. Оплата учебы двоих детей, ипотека и машина – нет, это нам никак не потянуть, ясное дело.

Если бы я могла платить за себя сама... тогда, скажем, в игре наступил бы перелом. Представляете, возможность получить диплом и *не* влезть по уши в долги. Так хорошо, что даже не верится.

Я, вообще-то, по-любому собиралась подыскать какую-нибудь работу. Не могу сказать, что планировала стать моделью, учитывая мою дурацкую внешность, но это все-таки прикольнее, чем взбивать молоко в «Старбаксе», как делает Ферди.

Заговаривает мама, на этот раз на два тона ниже:

– Я не хочу, чтобы это помешало твоему колледжу, Яна.

– Я тоже.

Я действительно хочу учиться в Холлитоне. Та же школа, но без физкультуры. Что же в этом плохого?

– Хорошо бы тебе не отвлекаться на работу, когда будешь учиться в университете, – вслух размышляет папа.

Я решаю ковать железо, пока горячо.

– Значит, сейчас можно?

– Если тебе так хочется, можно, – подводит черту папа, и мама кивает, хотя ясно, что она, мягко говоря, не в восторге.

Ну вот, можно считать, договорились. Я подпишу контракт с модельным агентством. Неожиданно. Забавно, но теперь, когда решение принято, у меня в животе, где-то под картошкой фри, червячком начинает шевелиться сомнение.

– Можно я поеду на Корфу с Дейви и его отцом? – вклинивается Милош.

– Нет, – отвечают мама с папой хором.

Я не могу спать. Хотя мансардное окно открыто настежь, с улицы ни ветерка. Я в трусах и майке лежу на спине поверх одеяла, вся кожа липкая.

Голова не желает отключаться, хоть убейся. Кто-то включил в ней слайд-шоу, картинок миллиард, они сменяют одна другую, и я не могу это остановить. Представляю себе, какой она будет, жизнь модели.

Показы коллекций, фотосессии, видеоклипы, реклама. Слава и богатство. Типа, ДЕНЬ-ЖИЩИ. У нас никогда не было денег. Мама с папой взяли ипотеку на дом, но тут родилась я, и это их чуть не разорило. Лондон дорогой, как черт.

Не поймите меня неправильно, мы с Милошем никогда не голодали, такого не было. У нас всегда есть еда на столе и одежда на плечах. Масса народу живет в тысячу раз хуже, чем мы. И мы стараемся хотя бы раз в два года вместе отдохнуть где-нибудь, только в прошлом году машина накрылась, так что каникулы пришлось провести дома.

Но мы совершенно точно, стопроцентно не *богачи*. Вечно то одно, то другое: в ящик бросят какой-нибудь счет или школьную экскурсию надо оплатить, вечно что-то ломается и нужно покупать новое. У Милоша ноги растут без остановки. Мама полжизни проводит, готовя нам обеды с собой в школу, потому что покупать шикарные сэндвичи в «Прет» нам не по карману.

А вдруг у меня получится? Вдруг и я смогу стать одной из тех холеных белозубых девушек, которых мы видим в Челси или на Норткотт-Роуд, которые едят авокадо на завтрак и обед? Три фунта за чашку кофе и пятнадцать за яичницу с тостом. Мы с Ферди могли бы ука-

тить на «Евростаре»¹³ в Париж или слетать в Берлин на выходные. Хороший отель с балконом и ванной в номере.

Ну, типа, представьте, что вам вообще не нужно *думать* о деньгах, потому что вы знаете, что у вас на счете их достаточно. Мечта.

Уже без пяти час. Включаю лампу над кроватью и ползу к своему виниловому проигрывателю. Год назад папа отыскал его на чердаке и собрался выкинуть, но я вцепилась и спасла. Да, понимаю, это неприличный выпендрей и снобизм, но я люблю шуршание старых пластинок. У папы там хранился и кое-какой винил: *Joy Division*, *The Cure*, *Roxy Music*, – и я добавила их в свою коллекцию.

Жаль, что я родилась не в Прошлом, потому что музыка тогда была намного лучше. *Блонди*, *Ранэвэйс*, *Сьюзи и Баниш*, *Кейт Буш*; *Стиви Никс*. Не хочу показаться странной, но все же, где сейчас такие женщины? Я выбираю «*Rumours*» *Флитвуд Мэк* и опускаю грампластинку. Раздается знакомое шипение, треск, и начинаются «Новости секонд-хенд».

Мне никогда не стать красавицей, но где-то в глубине моей души кроется надежда – а вдруг я смогу быть *отпадной* девчонкой, как Дебби Харри, как Энни Ленокс. Мне, если честно, никогда особо и не нравились куколочки Барби. Я вспоминаю слова Ферди: «Модели не должны быть сахарными феями».

Я возвращаюсь в постель и пытаюсь вслушаться в слова песни. Лучше голос Стиви, чем эта чехарда в голове.

В следующий момент обнаруживается, что уже почти рассвело и вот-вот встанет солнце. Уже самолеты начали заходить на посадку в Хитроу. Я не помню, как заснула. Я даже не дослушала до конца первую сторону пластинки.

Я люблю Лондон в солнечную погоду. Долой галстуки, да здравствуют грязные босые ноги. Все бросаются к ближайшему клочку зеленой травки – так, на всякий случай: а вдруг это последний солнечный денек в нашей жизни. Мы все зависаем у Лорел, потому что у нее за домом самый большой сад. Отец у нее – бодибилдер, типичный такой парень из Эссекса с искусственным загаром, и живут они на одной из красивых террас у парка Баттерси.

Экзамены позади, и Ферди набрал дополнительных смен в «Старбаксе», но пообещал, что присоединится к нам позже. У Лорел есть маленькие колонки для телефона, поэтому мы вынуждены слушать то, что соответствует ее весьма сомнительному музыкальному вкусу. Вы не подумайте, я ее люблю смертельно, но невозможно слушать Эда Ширана в таких количествах.

– Ну, давай. – Саба глядит на меня поверх темных очков. – Изобрази нам свою фирменную походку.

– Ты серьезно?

– Я не могу *поверить*, что они дали тебе с собой пару настоящих лабутенов, – говорит Лорел, распыляя на руки спрей от солнца. – Где это видано? Слишком круто!

– Особенно хорошо они смотрятся с этим прикидом, – заявляю я, засовывая потные ноги в туфли на шпильке. На мне короткие шорты и футболка с лошадкой Радуга Дэш. Любо-дорого смотреть.

– Садовая дорожка может стать вашим подиумом! – изрекает Саба. Сегодня она подобрала к красивому хиджабу персикового цвета простые кремовые топ и юбку – сочетание просто улетное. На вид она кажется испорченной девчонкой, а у ее страницы в «Инстаграме» – *hijabgirlondon* – уже порядочно подписчиков. Ну, чисто для сравнения: их больше, чем у меня, Лорел, Ферди и Робина, вместе взятых.

– Только не смейтесь, – предупреждаю я. По плиткам, которыми вымощена дорожка, идти труднее, чем по ковру в «Престиже». Я скованно и неуклюже ковыляю на одеревеневших

¹³ Сеть скоростных железных дорог между Лондоном, Парижем и Брюсселем.

ногах. В голове вертится навязчивая мысль о том, что у меня, должно быть, нарушена координация. Но я стараюсь идти красиво, а добравшись до открытого бассейна-джакузи в конце дорожки, встаю в эффектную позу, руки на бедрах, затем поворачиваюсь и иду назад.

– Ну как?

Саба и Лорел молча переглядываются.

– Блин, что, все так ужасно?

– Нет! – машет руками Лорел. – Просто... я...

– Она хочет сказать, что мы не привыкли видеть тебя на каблуках, лапуля, – быстро вставляет Саба.

– Да! Именно это я и имела в виду! Кстати, какие же у тебя длиннющие ноги! Я никогда этого не замечала!

– Да, потому что обычно я не наряжаюсь как проститутка! – Я скидываю туфли и бросаю их вверх, прямо в бирюзовое небо. – Эй, может, кто-нибудь меня поддержит? Я же выгляжу полной дебилкой! – кричу я.

– погоди, сейчас все будет, – говорит Саба. – Лорел, у тебя есть туфли?

И у Сабы, и у Лорел изящные ножки четвертого размера¹⁴, как у принцесс, так что Лорел мчится в свою комнату за каблуками. Вернувшись, она надевает серебристые босоножки из ремешков с выпускного вечера, а Саба заимствует у нее черные туфли на толстенной танкетке.

– Но нам нужна музыка получше, – объявляю я и подключаю колонки Лорел к своему телефону.

– Эй! Что ты там ставишь? – спрашивает Лорел.

– Что же еще? – Звучат первые аккорды «Fashion» Дэвида Боуи.

– Отлично! – Саба хлопает в ладоши. – Покойся с миром, чувак.

– Что это хоть такое? – спрашивает Лорел, и мы обе валимся от хохота.

Первой на «подиум» выходит Саба. С природной грацией она идет по дорожке сада уверенными размашистыми шагами. У нее здоровая задница, но Саба ею вертит так, что мне с моими тощими ягодичками нипочем этого не повторить. Замерев в картинной позе у джакузи, она возвращается. Теперь навстречу ей выходит Лорел, так что на полпути они встречаются. Проход Лорел не такой шикарный, как у Сабы: она изо всех сил старается изображать чувственность. Я вспоминаю, что Том велел мне *не* изображать ничего.

И все равно, у них это получается легко и непринужденно. Как же несправедливо! Ведь девчонки от всего этого тащатся. Обе обожают тряпки и шопинг, часами листают каталоги «Вестфилда», тогда как мы с Ферди предпочитаем прибарахляться в магазинах винтажной или рокерской одежды – «Бейонд Ретро», «Рокит» и все такое. У Сабы в «Инстаграме» такая модная страничка, что с ума можно сойти. Они обе умеют ходить на каблуках. У меня только один плюс: я высокая и тощая. Выходит, я вытянула свой счастливый билет исключительно благодаря наследственности.

Когда Саба оказывается у террасы, снова выхожу я.

– Уже намного лучше. Не сравнить! – кричит Саба мне вслед. А Лорел, поравнявшись со мной, поднимает руку и, подбадривая, шлепает меня по ладони. Довольно неприятно.

– На показах «Виктория Сикретс» всегда так делают! – сообщает мне Лорел.

– Постарайся напустить на себя злобный вид, – советует Саба. – Эти девицы всегда ходят по подиуму мрачные, как черти.

Мы выходим по очереди, у нас получилось прикольное небольшое дефиле. С каждым разом я замечаю, что все увереннее держусь на каблуках, хотя ноги болят от малейшего шага. Ступни горят, словно в огне. Саба ставит «Супермодель» Ру Пола, и тут появляется Робин, нагруженный бургерами, пивом и какими-то контейнерами с едой.

¹⁴ Примерно 37-й российский размер обуви.

– Чем это вы тут занимаетесь?

– У нас дефиле! Вот! – выпаливает Лорел.

– Робин, какой у тебя размер обуви? – спрашиваю я.

– Седьмой...

Я скидываю с ног лабутены.

– Вот! Твоя очередь!

– Ну уж нет! – Он смеется. – Я не надену девчачьи туфли.

– Надо, или мы не примем тебя в игру, – настаиваю я. – Таковы правила.

Мы вечно подсмеиваемся над Робинсом, потому что он модник. Не такой выпендрежник, конечно, как Руперт или Тарквиний, но уж точно моднее нас.

Он скидывает сандалии.

– Ладно, была не была. Только не говорите никому.

– Ага, вот сейчас побежим и *всем* расскажем, – хмыкает Саба.

Робин надевает мои туфли.

– Да они мне малы.

– Вот она – настоящая демонстрация мод, – заявляет Лорел. – Я такое видела в «Топ-модели».

– Ну, давай, Робин, – смеюсь я. – Не болтай, лучше пройдишь.

Положив руки на бедра и карикатурно надув губы, Робин пускается в путь по дорожке, изо всех сил крутя задницей. Мы хихикаем.

– О, как это сексуально! – выкрикивает Саба. Робину больше нравится Лорел, влюблен в нее с девятого класса, но она к нему равнодушна.

– Робин! – кричу я. – Клянусь, у тебя получается лучше, чем у меня!

Робин идет обратно. На полдороге он вдруг оступает, летит в траву и приземляется на зад. Мы подбегаем, хотим помочь ему встать.

– Кажется, у меня сломана нога! Я на вас в суд подам! – Он смеется, так что все явно не так уж плохо.

– Ой, бедненький, – хихикает Лорел.

– И как ты только в этом ходишь?

– Не хожу! – отвечаю я. – В том и проблема.

Мы все рассаживаемся на прохладной траве.

– Даже не верится, что Ферди будет трахаться с моделью, – мечтательно говорит Робин, а Саба, укоряя, шлепает его по руке. – Когда у тебя будет миллион фунтов, купишь мне машину?

– Я пока еще не модель, – тихо отвечаю я, щурясь на солнце.

Остальные ничего не говорят. А что тут скажешь. Они тоже пока не считают меня моделью – и правильно. Потому что, честно говоря, так оно и есть.

– Вспоминаю – и поражаюсь. Я должна была увидеть, разглядеть. Ведь это было у меня прямо под носом, все время.

– Что ты имеешь в виду?

– Даже в самом начале, во время Развития. Были же знаки.

– Что за знаки?

– Что все неправильно. Что я, мы были... беззащитны.

– Продолжай...

Новые лица

Я с гордым видом рассекаю по Поланд-стрит одна, сама себе босс. Мама была не в восторге от того, что я поеду в центр города самостоятельно, но они с отцом сегодня оба работают, так что других вариантов не оставалось. И вообще, мне через четыре месяца стукнет семнадцать, и я уж как-нибудь сумею одна проехаться на поезде. Лондон совсем не страшный, если ты из Лондона: не размахивай мобильником на выходе из метро, не зевай, берегись мопедов, вот и все. Очень просто.

Сегодня снова палящая жара. Лондон воняет помойкой и пердежом. Ро попросила меня надеть что-нибудь простенькое, потому что сегодня они собираются делать фото. Я затащила к себе Сабу, чтобы она помогла выбрать прикид, но она уверяет, что настоящая модель просто надела бы джинсы в обтяжку и черную маечку без рукавов. Так я и оделась. На ногах у меня балетки, а лабутены надежно спрятаны в холщовой сумке. Еще Ро велела, чтобы не было ни капли макияжа – хотя я изредка лишь подкрашиваю ресницы.

Агентство я нахожу без проблем, и все, кажется, рады меня видеть.

– Вот и она! – Ро несется мне навстречу и ведет к столу, за которым нас ждут остальные.

Ческа обнимает меня. От нее так классно пахнет... чем-то цитрусовым, но на лайм не похоже.

– Привет, дорогая, как ты?

– Ничего. Нормально.

– Мы ТАК рады, что ты решила подписать контракт с нами. Seriously, весь офис жужжит. – Остальные дружно кивают. Ро знакомит меня с командой мужской моды и командой рекламы (сиськи и бикини), и, наконец, появляется Том.

Том тоже рад, а его радость заразительна. Какие же они все классные.

– Ну, поехали, – говорит Ро. – Кстати, может, ты пить хочешь? Или принести тебе чего-нибудь посущественнее? Я отправлю Неваду за едой.

– Нет, спасибо. Я только что в поезде съела круассан с миндалем.

Блин. А вдруг мне больше нельзя есть такие штуки?

– О! Эти круассаны – *лучшие*! – заявляет Ро.

Уф, пронесло. Впрочем, что я ем, большого значения не имеет. Стать жирной мне не грозит. Однажды наша медсестра в начальной школе даже начала разнюхивать, не морят ли меня дома голодом, потому что я показалась ей дистрофичной. Не-а, просто я от природы худая как щепка.

Том ведет нас вверх, на этот раз в конференц-зал. Я вижу там других девушек.

– Итак, наша задача на сегодня, – объявляет Том, – стандартная процедура ввода нового сотрудника. У нас есть еще парочка новых лиц, так что имело смысл собрать вас всех вместе. Надеюсь, возражений нет?

– Нет, конечно, – бормочу я, все сильнее ощущая себя самозванкой.

Ро проводит меня в комнату, где ждут еще две девушки. Первая – та самая, смахивающая на перепуганного троллёныша, которая была вместе со мной в первый раз. У второй потрясающие рыжие волосы и молочно-белая, как у фарфоровой куклы, кожа, покрытая идеально симметричными веснушками.

– Яна, это Арабелла и Виктория.

Арабелла, вскочив со стула, хватая мою руку и трясет.

– Привет. – Она забавно говорит, очень четко выговаривая слова. – Я так рада, что не одна, что есть и другие девушки. Похоже на первый день в новой школе, правда?

– Да уж. – Я тоже трясую ее руку, хотя не очень-то люблю рукопожатия. Вечно боюсь, что пожму слишком сильно или слишком вяло. – Привет.

Виктория смотрит на меня сквозь завесу густых волос.

– Привет, – произносит она с сильным акцентом. Русская, что ли?

– Здравствуй, – отвечаю я.

– Виктория пока не говорит по-английски, – объясняет Том. – Мы над этим работаем. Она прибыла из нашего подразделения в Париже. Новым лицом ее уже не назовешь, но мы ей очень рады. Всем вам, собственно.

– Тебя тоже *он* подцепил? – спрашивает Арабелла.

– Ага, в Торп-парке.

– Да быть не может! Я обожаю Торп-парк! А я была на «фестивале сена» в Хей¹⁵, иду себе на выступление Кейтлин Моран¹⁶, думаю о своем, и вдруг Ческа хлопает меня по плечу. И я такая: «*Боже, неужели из всех она выбрала именно меня?*»

Она ТАКАЯ ШИКАРНАЯ, а ведет себя достаточно просто. Я немного расслабляюсь. Рада, что мы тут не вдвоем с Викторией. Уж очень она робкая.

– Итак, – начинает Ро, – сначала покончим со всякими скучными вещами. Давайте-ка снимем с вас мерки.

Жестом фокусника она вынимает из заднего кармана портновский сантиметр. Первой идет Арабелла.

– Хм, – присев и чуть не тыкаясь лицом ей в зад, говорит Ро. – Какой у тебя размер одежды, дорогуша?

– Восьмой, – отвечает Арабелла.

Поднявшись, Ро измеряет ей грудь.

– Отлично, просто круто. Но, пупсик, может, тебе стоит посмотреть, сколько ты поглощаешь углеводов – паста, хлеб и все такое прочее. Не знаю, как ты, а я от них просто пухну.

– Хорошо! – с энтузиазмом отзывается Арабелла, и наступает моя очередь.

Ро снимает мерки, а Том все записывает. Они измеряют мой рост, длину ног, бедра и бюст. Самая худенькая из нас Виктория – заметно, – но я самая высокая. Потому что всегда так бывает.

– Окей! – говорит Ро. Покончив с мерками, она садится. – Вот что: здесь, в «Престиже», нам суперважно, чтобы все наши модели были здоровыми и в хорошей форме.

– *Суперважно!* – кивая, повторяет Том.

– Мы *никогда* не требуем, чтобы девочки сбрасывали вес. Ни-ког-да. Мы *можем* помогать вам с питанием и поддержанием формы время от времени, но это совсем другое дело. Здесь речь не о том, чтобы худеть и сбрасывать вес. Речь о хорошей форме. Вы же у нас спортсменки.

Господи, только не это. Я надеялась, что физкультура осталась в прошлом.

– Всем лучше от того, что вы в форме, – вставляет Том. – И вам самим, и клиентам.

– Конечно, – продолжает Ро, выразительно закатывая глаза, – *некоторые* дизайнеры и кастинговые агентства *заставляют* девушек сбрасывать вес. Но это не про нас.

Глядя на нас троих, я не понимаю, куда еще нам сбрасывать вес. Мы все худышки. Я знаю, что я от природы такая. Мы с Милошем можем съесть хоть по лошади в день и все равно не поправимся. Наверное, дело в генетике. А сейчас от всех разговоров о еде у меня только разыгрывается аппетит. Я задумываюсь, чем буду обедать. Может, взять чизбургер в «Макдоналдсе». Он стоит всего фунт.

– Это лишь здравый смысл, – заканчивает Ро. – Мы говорим не о *диете*, а о *питании*. В котором полно фруктов и овощей и воды! Это просто!

¹⁵ Ежегодный литературный фестиваль, который проводится в Хей-он-Уай; также известен как «фестиваль сена».

¹⁶ Английская журналистка, писательница, феминистка.

«Да пошли вы», – думаю я. Овощи – это ужасно. Кукурузу я еще приемлю, но не более того.

Ро обсуждает с нами «план действий». Поскольку мы с Викторией выше ростом, то лучше подходим для подиума, чем Арабелла, у которой пять футов восемь дюймов (немного маловата – по меркам *Мира Моделей*). Ее в основном будут задействовать на фотосессиях (их-то здесь и называют «эдиториал»).

– Вот как это происходит, – рассказывает Том. – Мы ищем для вас работу. Отправляем вас на кастинги в Лондон, Нью-Йорк, Париж, Милан, и – тьфу-тьфу-тьфу – вас приглашают на дефиле или фотосессии. Мы раскручиваем вас, подаем как Новых Девушек Будущего, Новые Свежие Лица. Чем больше показов, в которых вы участвуете, тем больше важных людей из индустрии моды видят вас и хотят пригласить к себе. Есть надежда, что, отработав достаточно показов и эдиториал, вы можете рассчитывать на приглашение в рекламную кампанию – например, видеоролики, – и вот там-то можно заработать серьезные деньги.

– А если нас не будут приглашать? – тихо спрашиваю я. Ой. Это неправильный вопрос. Ро и Том оба напрягаются, а мне интересно, нет ли у них где-нибудь мусорного контейнера, полного отработанных моделей, крышка которого не закрывается, потому что из-под нее торчат руки и ноги.

– Если бы мы не были уверены, что ты сможешь получить работу, то не подписали бы с тобой контракт, – усмехается Том, обретая самообладание. – Из всех девушек, которых мы отсматриваем, контракт подписываем примерно с двумя процентами.

– Мы знаем свое дело. – Ро кивает. – Все будет хорошо. И даже лучше. Вы добьетесь успеха. Вы же такие классные, настоящие звезды.

Потом мы ходим туда-сюда на верхнем этаже офиса. Виктория дело знает: она так топает, будто хочет кого-то прикончить. Арабелле говорят, что она «слишком задорная». Глядя на нее, я почему-то вспоминаю детские конкурсы красоты. Меня хвалят, говоря, что я делаю успехи, – и я втайне рада, что всю неделю тренировалась. Я внимательно слежу за Викторией и стараюсь подражать ей.

– Просто ходите, – вдалбливает нам Ро. – Плечи назад, голова прямо, тянетесь вверх макушкой – немного откиньтесь назад и при каждом шаге как будто присаживайтесь на бедра.

Странно, но последний совет действительно помогает. Все это не имеет никакого отношения к «просто ходьбе», но я уже чувствую себя увереннее. После таких упражнений у меня болит все тело – от постоянного напряжения. Моя обычная осанка – *отстой*. Я вспоминаю, как мисс Брин, наша учительница танцев в начальной школе, пицчала мне: «*У тебя же есть позвоночник, Яна Новак! Так пользуйся им!*»

После этого мы отправляемся в подвал, чтобы сделать фото. Здесь два больших студийных прожектора, а через всю комнату протянут белый экран. Арабелла вызывается быть первой, а мы садимся по сторонам и смотрим, как Ро делает миллион кадров, не меньше.

– Ты куришь? – спрашивает меня, наконец, Виктория с таким видом, будто вот-вот помрет от тоски.

– Нет. Но я выйду с тобой подышать свежим воздухом. – Мне просто кажется, что, раз она совершила усилие, я должна как-то откликнуться.

Мы стоим у входа в агентство, провожая взглядами редких прохожих.

– Ну, – заговариваю я. – Откуда же ты?

У нее вспыхивают глаза – наверное, об этом ее часто спрашивают.

– Беларусь. – Она глубоко затягивается своим «Мальборо-лайт». У нее щели между зубов, но это выглядит как-то мило.

– Ясно. Это где-то рядом с Россией?

Она кивает и зябко обнимает себя за плечи, хотя на улице жара.

– Да. Рядом с Россией и Украиной. Плохо... жизнь.

– А давно ты работаешь моделью? – Я стараюсь говорить не слишком медленно и громко, мне кажется, иностранцев это обижает.

– С тринадцати.

– С *тринадцати* лет? – Я не могу скрыть удивление в голосе.

– Да. Я ехала в Минск знакомиться с агентами. Агенты в Минск... смотреть девочек.

– А как же школа? – Виктория, похоже, не поняла. – Ээ... школа?

Я показываю жестами, что читаю и пишу.

Она мотает головой:

– Я школа... нет. Надо денег. Посылать маме и бабушке.

Ладно, проехали.

– И много ты работала? – Я тыкаю пальцем в сторону агентства.

– Да. Я ехала в Япония и Париж, когда мне четырнадцать.

– А сейчас тебе сколько?

– Семнадцать. Сейчас я старая. – Она смеется, но взгляд серьезный. Еще бы.

Я улыбаюсь ей.

– Ты по дому не скучаешь? – Снова она не понимает. – Э-э... ты уехала из дома. Тебе грустно без него?

– Нет, – горячо отвечает она. – Было... нет хорошо.

У нее расширяются глаза, и я пытаюсь представить, что она сейчас вспомнила. Это напоминает мне о том, какое бывает лицо у мамы, когда кто-то вспоминает при ней о Югославии, о войне. «Не забыть, – говорю я себе, – погуглить про Беларусь, когда приду домой».

В дверях показывается Ро.

– Кто следующий? Яна?

Мы возвращаемся в подвал: моя очередь сниматься. Ро негромко дает указания: «Забери волосы назад... подбородок выше... вынь, пожалуйста, колечко из носа... подбородок ниже... посмотри налево от себя... выгни спину... расслабься... как тряпичная кукла». Сделав, по моему, несколько тысяч снимков, меня просят переодеться в бикини. В выходные я зашла в H&M с Лорел и Сабой и купила простой черный купальник. Правда, моя мизерная грудь не заполняет чашечки. В паху я все выбрила, кожа там красная, в пятнах и чешется. Очень надеюсь, что этого никто не заметит.

Фотографии сразу пересылают на стоящий в углу компьютер, из-за которого выглядывает Том.

– Отлично, Яна. Ты фотогенична, камера тебя любит.

– А вот об этом предоставьте судить мне! – игриво кричит Мэгги, врываясь в подвал и размахивая перед собой нереально гигантским фраппучино с клубникой и сливками. MOSCHINO написано у нее поперек груди.

– Привет, милашки, как дела?

Арабелла, подлетев, обнимает ее. Виктория этого не делает. Поскольку я в бикини, было бы немного странно обниматься, и я просто стою, стыдливо сложив руки на голом животе.

– Слушайте, вот это да, ай да Яна! Кадры фантастические! Какая шея! Ты прям гребаный лебедь, солнце. А скулы! – Она подходит и отбрасывает назад мои волосы. – Но вот насчет волос твоих я пока не уверена. Они тебе ни к чему. Что думаешь, Ро? Чик-чик?

Сомневаюсь, что Ро осмелится ей возражать.

– Хм, да. Можно.

– Я просто не вижу, чтобы они что-то добавляли к образу. Мне кажется, ее фишечкой должна стать андрогинность, как считаешь?

– Конечно.

Мэгги обнимает меня за плечи.

– Яна, зайка, ты мне доверяешь?

Я пожимаю плечами. Что я должна сказать? Я с ней почти не знакома.

– Ну да...

– Одевайся и пойдем со мной.

Я натягиваю джинсы и майку и тащусь за Мэгги к большому столу в основном офисе.

– Яна, малышка. Ты слышала когда-нибудь про Александру Холмс?

Порывшись в старых поляроидных снимках на столе, она выбирает один и протягивает мне. На нем девушка, отдаленно напоминающая Викторию, – с длинными прямыми волосами мышино-серого цвета.

– Кажется, нет...

– Конечно, нет. А теперь: это кто?

Она подвигает ближе ко мне лежащий на столе номер *Vogue*. Очень коротко стриженная девушка с выбеленными вихрами и кольцом в носу показывает язык. Заголовок гласит: «Новая панк-революция».

– О, так это же Лекс! – Без фамилии, просто Лекс. Она была *великой*, когда я еще ходила в начальную школу.

– Яна, Лекс – это и *есть* Александра Холмс. – Она снова поднимает поляроидную карточку. – Это Лекс до того, как я с ней поработала. Что-то такое я в ней увидела и... сразу поняла. Ты должна мне довериться. Это то, что я умею. Найти алмаз среди углей.

С трудом верится, что это одна и та же девушка. Я не могу представить себе Лекс без ее коронной стрижки-пикси.

– Ладно.

– Уверена, душа моя?

– Гхм. Ну да. Если вы думаете, что это поможет...

– Я не думаю – я *знаю*. – Она улыбается так широко, что я вижу серебристые пломбы, и подмигивает мне.

Я улыбаюсь ей в ответ.

– Ладно. Только не надо выбеливать мне волосы!

– И в мыслях не было. – Она вынимает мобильник и набирает номер. – Привет, дорогая, это Мэгги из «Престижа». Может Реми поработать с одной из самых лучших моих крошек? Нужно изменить стиль. – Следует пауза. – Миленькая, а можешь ты просто сказать ему, кто спрашивает? – Еще пауза. – О, просто великолепно. Через полчаса будем.

О, как я смеялась над этими бедными дурочками из «Топ-модели по-британски», истерически рыдающими над своими золотыми локонами. Сейчас, блин, мне самой не до смеха. Я смотрю на себя в зеркало: вокруг шеи черная накидка с надписью «Реми-Лопес». Губы, как всегда, бледные. Глаза – испуганные до чертиков.

– Мэгги, дорогаааааая! – К нам через весь салон, раздавая двумя руками воздушные поцелуи, как солистка миманса, бросается Реми, маленький человечек с аккуратной черной бородкой и татуировками по всей коже до подбородка.

– Реми, любовь моя, нам нужно сотворить супермодель.

– *Dios mia!* Ну-ка, кто тут у нас? – Он кладет руки мне на плечи.

– Я Яна.

– Ты прелестна. Что мы делаем?

– Ну, – вмешивается Мэгги, – нам нужно что-нибудь покороче, я думаю. Андрогин, но не совсем ежик. Оставь все-таки достаточно для укладки.

– Да! Скулы и подбородок! – Он пробегает рукой по моим волосам. – Хммм. Знаешь, о чем я думаю? Питер Пэн, Лайза Миннелли, Стелла Теннант, но смело, провокативно и небрежно.

Что? На каком он хоть языке говорит?

– Да, точно! Мне нравится! – говорит Мэгги.

– Что? Кто? – одновременно говорю я, и они оба хохочут.

– Ты очаровательна! – смеется Реми. – Ты будешь выглядеть *сказочно*. Поверь мне.

И он туда же, сговорились они, что ли?

– Ты готова, лапуля? Все к лучшему, доверься мне.

А знаете что? Это всего лишь *стрижка*. Отрастет.

– Конечно.

– Вот умница. – Мэгги широко улыбается. – В этой игре хороший позитивный настрой – уже полдела. Запомни это, детка. Просто прими это!

Буквально через тридцать секунд Реми, насвистывая, собирает все мои волосы сзади в хвост и отрезает его. Теперь волосы длиной до подбородка. У меня сжимается сердце, и внезапно становится понятнее, почему так рыдали участницы «Топ-модели по-британски».

Впрочем, я быстро прихожу в себя. Мне приносят чашку чая с двумя кусочками сахара, а потом суперклассная девушка моет мне голову и расспрашивает, каково это – быть моделью. Отвечаю, что и сама пока не знаю. Девушка отправляет меня назад к Реми. С концов мокрых волос капает вода, и он долго сушит их полотенцем перед тем, как начинает обрабатывать мне голову лезвием бритвы.

Все очень быстро. Минут через сорок пять, когда возвращается Мэгги, Реми уже заканчивает.

– Ну, что скажете? – спрашивает он.

Я с трудом узнаю себя. Шея кажется мне *голой*. Там на шее все коротко-коротко-коротко, а к макушке волосы становятся длиннее и переходят в тяжелую, похожую на копну, челку, которая падает мне на глаза и прикрывает уши. И, конечно же, Мэгги оказалась права. Мои скулы и подбородок неожиданно... *проявились*. Их действительно видно. Мне не за что прятаться. Стрижка – как картинная рама для моего лица. Я не то чтобы похожа на мальчика, но, без капли макияжа, не слишком похожа и на девочку. Я сама не могу понять, как к этому отнестись.

Честно говоря, я недостаточно крута для такой стрижки.

– Само совершенство! – Мэгги хлопает в ладоши. – Яна, а ты что думаешь?

– Все так изменилось... это очень... как в Ист-Лондоне.

Снова они смеются.

– В том-то и идея, – говорит Реми. – Ты выглядишь как модель.

Я в этом не совсем уверена. Но в любом случае я *выгляжу по-другому*. Видели бы вы, как я хожу.

– Я все еще тебе нравлюсь? – спрашиваю я у Ферди по «ФейсТайму», как только прихожу домой.

Он смеется.

– Что за дурацкий вопрос. Ты мне не можешь не нравиться. Ты будешь мне нравиться всегда, даже с бумажным пакетом на голове. И вообще, меня интересуют только твои буфера.

Я фыркаю.

– Ну, в таком случае ты в пролете, чувак! – Я запускаю пальцы в челку. У меня фантомный синдром: все время пытаюсь убрать с плеча волосы, которых больше нет. После стрижки мы вернулись в агентство, чтобы переснять фотографии. От старых теперь толку мало. Не могу отрицать, что с короткими волосами я становлюсь больше похожа на человека из модельного бизнеса. На черно-белых фотках я кажусь жутко раздраженным бесполом инопланетянином. Всех вокруг это радует и впечатляет.

– Все это так странно. – Я валюсь на кровать, держа руку с телефоном на отлете. – Я на себя не похожа.

– Это ты. Горячая штучка.
– Ты серьезно?
– Ну, опять... да.
– Мне кажется, я выгляжу старше.
– Есть немного. Зато очень стильно.
– Пойти, что ли, прогуляться у Школы искусств в Пекхаме. Я там точно сойду за свою.
– Хаггерстон, Сток Ньюингтон, Хакни. Это же клево.
Я слышу, как внизу хлопает входная дверь.
– Господи, это, наверное, мама. Лучше уж набраться храбрости и не оттягивать.
– Ты хоть предупредила ее?
– Ну... да. В общем, я сказала, что они укоротили мне волосы. Она умрет.
– Попозже выйдешь?
– Если меня не посадят под домашний арест. Может, посмотрим новые «Королевские гонки»¹⁷?
– Точно, они уже должны были выйти.
– Блеск. Давай тогда, появляйся в полвосьмого.
– Удачи. И, что бы ни было, наплюй с высокой башни.
Я смеюсь, вешаю трубку и делаю глубокий вдох. Кажется, сейчас я нервничаю больше, чем в салоне.
– Яна! – зовет мама. – Ты наверху?
– Да! – Я гляжу на себя и поправляю свою новую челку. Немного подвожу глаза и подкрашиваю ресницы, чтобы хоть чуточку больше походить на девочку. Боже мой, что сейчас будет. Хуже, чем когда она нашла у меня в рюкзаке рецепт на покупку противозачаточных. Ну, была не была. Я выхожу из комнаты и топаю вниз по лестнице. Мама выходит мне навстречу из кухни, она все еще в форменном комбинезоне «Социальная служба Гринривер» и сандалиях на плоской подошве.
Я вздрагиваю.
Она зажимает рот обеими руками.
– Боже ты мой! Яна! Что они сделали с твоими волосами?
– Тебе совсем не нравится, да? – Самый нелепый вопрос в этой ситуации.
Мама переводит дух. И вздыхает.
– Ой, Яна, это очень... непривычно.
– Ну вот, тебе *совсем* не нравится.
– Это... это же мужская стрижка.
– Да нет, вовсе нет, – обороняюсь я. В дверях появляется Милош со скейтбордом под мышкой. Я подбираюсь, готовая к неминуемым издевкам. – Ну, давай, что же ты, выскажись уже.
– О чем? – спрашивает братец. – А, твои волосы. Офигенно.
Ой. Так, ладно. Я выжидаю секунду, чтобы понять, не смеется ли он надо мной.
– Тебе нравится?
– Ну да. Вполне себе.
И он пробирается мимо меня к холодильнику.
Мама, не находя слов, качает головой.
– Не понимаю я вас, молодежь. Сдаюсь. Видно, я уже старая. – И, картинно всплеснув руками, она снова принимается готовить ужин.

¹⁷ «Королевские гонки Ру Пола» – американское конкурсное реалити-шоу.

Съемка

Занятия в колледже начинаются пятого сентября. Я и волнуюсь, и радуюсь. Холлитонский колледж всегда казался чем-то далеким, для больших девочек и мальчиков, а тут раз – непонятно как, – и *мы сами* большие девочки и мальчики. И, самое главное, мне никогда больше не придется напяливать мерзкий, отвратительного поносно-коричневого цвета блейзер Вандсвортской технологической академии.

День оглашения результатов проходит сравнительно спокойно, экзамены мы все сдали хорошо. Я, вообще-то, даже отлично. Лорел провалила математику, но сможет пересдать ее в ноябре, так что это не смертельно. Она собирается стать стюардессой на British Airways; Лорел всегда этого хотела, так что математика ей вряд ли понадобится.

В первый день учебы мы встречаемся на улице около «Старбакса» и все вместе шагаем вверх, по Сент-Джон-Хилл. У Ферди есть скидка для персонала, так что мы идем со стаканчиками кофе – выглядит очень по-взрослому. Робин, настоящий придурок, приканчивает два эспрессо подряд, потому что до сих пор пытается впечатлить Лорел.

– Ну, как вы себя чувствуете? – спрашивает Ферди, поигрывая камерой. Он нянчится с ней, как с младенцем.

– Ты снимаешь? – интересуется Саба.

– Да так, проверяю новый аккумулятор, эта штука на последнем издыхании.

– Мне нужна новая видеокамера, – заявляет Саба. – Хочу снова начать видеоблог. Ты ведь мне поможешь, Ферди? Если у меня будет столько же просмотров на «Ютубе», как в «Инстаграме», может, получится заработать денег.

– Без проблем. – Тьфу, когда Саба с Ферди начинают нудить про технику, я отключаюсь.

– Я с ума сойду! – Лорел хватается Ферди за руку и разворачивает камеру на себя. – Мы можем уйти из школы на обед... окна в расписании... и никакая миссис Флетчер больше не будет плевать на нас на уроках английского.

– И физры больше не будет, – добавляю я.

– Под этим и я подписываюсь! – Саба кивает.

– Роб! А ты что скажешь?

– Меня слегка тошнит, приятель. Думаю, что второй стаканчик был лишним.

Всю дорогу до школы Ферди закидывает нас вопросами. Когда-то, сто лет назад, он создал канал на «Ютубе», чтобы обсуждать игры, а недавно решил снимать фильмы. Он снял неплохую короткометражку о том, как в восьмидесятые его мать приехала в Лондон из Нагасаки, и я знаю, что он очень хочет поговорить с мамой и папой о произошедшем в Сербии. Он большой молодец, но, если подумать, я и не могла бы сказать ничего другого, ведь я же люблю его.

Холлитонский колледж новенький, весь сверкает. Старое здание снесли несколько лет назад и выстроили другое, сплошь из стекла и стали, так что немного напоминает Звезду Смерти¹⁸. Через вход для студентов мы проникаем внутрь и слоняемся по газонам в ожидании звонка. За столовой есть что-то вроде открытой веранды со скамьями для пикников. Работает буфет с кофе и круассанами, хотя у нас и так уже кофеин бурлит в крови. Все это намного круче, чем школа.

– Ну ничего себе, Яна! – Я вижу, что к нашему столику проталкиваются Хезер Дейли с Лили Макк и Эмили Поттер. Я знаю, это прозвучит не очень ласково и приветливо, феминистки бы меня заклевали, но все равно: терпеть не могу этих гребаных голимых стерв. Воз-

¹⁸ Боевая космическая станция из фильмов серии «Звездные войны».

можно, не будь они гребаными голимыми стервами, мне было бы проще их полюбить. – Мы слышали о твоей новой стрижке, надо же, так это – правда!

Эмили что-то шепчет Лили и хихикает. Я их игнорирую. Большинство школьных индюшек с раздутым самомнением ожидаемо не набрали достаточного количества баллов для поступления в колледж. Чтобы быть по-настоящему ужасным хулиганом, необходим ум, так что придется нам терпеть эти нападки еще два года.

– Лорел рассказала Гарри, что ты у нас теперь модель.

Лорел краснеет. Гарри – близнец Хезер.

– Мы просто болтали по «Вотсапу»... – бормочет она. Когда-то Лорел и Хезер были неразлейвода, но в двенадцать лет они разругались: то ли Хезер не пришла к ней на день рождения, то ли еще что-то. В двенадцать лет такие вещи кажутся концом света.

Глядя на Хезер, я шурю глаза. Ее светло-русые волосы уложены пышными волнами, а несколько прядей высветлены и так сверкают, что Хезер похожа на Железного дровосека.

– Ну и?

– Так это правда? Ты – и модель?

Вот стервоза.

Я пожимаю плечами.

– Даже не знаю. Тип таво. – Я соскальзываю на тот подчеркнутый «южн-ланданский» выговор, которым часто пользуюсь в школе, если мне начинают выносить мозги. Не хочу тратить на нее свое время, ни секунды. Она всегда была злоущей ведьмой, да и вообще мне без нее забот хватает.

В Вандсворте мать Хезер и Гарри была в родительском комитете, поэтому у Хезер ни разу не было проблем в школе, хотя вела она себя как настоящая паскуда, и это меня дико злит. Надеюсь, в колледже ей не будут спускать все с рук.

– Ты познакомилась с Кларой Киз? – интересуется Лили, громко чавкая жвачкой. Она такая: блондинка-блондинка и дура-дура. Однажды она на полном серьезе убеждала Лорел, что если пить диетическую колу сразу после секса, то нипочем не забеременеешь.

– Нет. Но мы в одном агентстве. – Последние слова я произношу небрежно, как будто это сушая ерунда.

– Слушай, без обид, – начинает Хезер, – но ты выглядишь как пацан. Это что, теперь модно, стиль такой – или что?

– Хезер, – перебивает ее Саба с милой (даже ямочки на щеках) улыбкой, – а не пошла бы ты в жопу, а?

– Что? Зачем грубить-то. Мы просто подошли сказать, что Яна молодец.

– А сказали, что я выгляжу как мужик. В общем – пока-пока! – И я отворачиваюсь. Если она будет докапываться, клянусь, поотрываю ей накладные ногти.

– Ну, как хотите. Можешь поплакать по этому поводу, мне не жалко. *Госссподи*.

Они гордо удаляются, вертя задницами.

– Я уверена, – говорит Эмили достаточно громко, чтобы мы все слышали, – на самом деле Яна – он/она. Я один раз в раздевалке бассейна видела ее ч...

– Не обращай внимания, просто не слушай, – говорит Саба. Мы никогда не узнаем, кто запустил эту сплетню «Яна Новак – гермафродит», но то, что к ее распространению приложила руку Хезер, – точно, и к гадалке ходить не надо.

Ферди смотрит в свою камеру.

– Как вы сами могли убедиться, колледж и одиннадцатый класс – просто *небо и земля*... – Он выразительно закатывает глаза. – Ты в порядке?

Это меня в самом деле утешает. Возможно, я должна наносить больше макияжа или надевать розовую балетную пачку, чтобы подчеркнуть, какого я пола. Потому что, когда все мы собираемся в зал на первое общее собрание, это происходит снова.

– Вау, а это что за педик? – громко шепчет какое-то чмо своим приятелям. Здесь сегодня собралось много народу из разных школ. Много новых лиц.

Я что, правда такая мужеподобная? На мне джинсы и свободная куртка, а под ней фланелевая рубашка в клетку. Возможно, думаю я, в этом моя ошибка. Сгорбившись, я пытаюсь стать незаметнее и слиться с толпой. Ферди берет меня за руку, но я отдергиваюсь.

– Что?

– Все думают, что я твой бойфренд.

Он все же берет меня за руку и крепко сжимает.

– Но я же не какой-нибудь там засранец-гомофоб, чтобы из-за этого переживать.

Я чуть не плачу.

– Ты – лучший.

– Нет, *ты*. – Это у нас дежурная шутка. Мы можем буквально часами изображать, что ссоримся, доказывая, кто из нас лучше.

Ректор колледжа, мистер Беннет, вводит нас в курс дела. Здесь все не так, как в школе, – нет даже общего классного часа, мы просто приходим на те занятия, которые у нас в расписании. Вместо журнала мы сканируем пропуск на входе и выходе, на самих занятиях учителя отмечают наше присутствие.

«Сегодняшнее утро, – объясняет он, – нам для того, чтобы сориентироваться и во всем разобраться». Беннет – гигант, похожий на Идриса Эльбу. Если бы Идрис Эльба позволил себе немного расслабиться. Но все равно я бы не рискнула с ним связываться. Все, что нам нужно сделать сегодня, – в назначенное время зайти в ИТ-отдел, активировать свою школьную учетную запись и составить индивидуальное расписание. После этого можно идти на все четыре стороны.

– Фантастика, – говорит Саба. – Может, рванем куда-нибудь вместе? Робин, ты сможешь нас провести в кино?

Робин работает в кинотеатре «Клэпхем».

– Официально разрешается провести бесплатно только двух человек на сеанс, но попытаться можно...

– И бесплатный попкорн будет? – спрашивает Лорел.

– Конечно!

– Я не смогу, – печально сообщаю я, выходя из зала.

– Почему? – горестно стонет Лорел.

– У нее важная фотосессия, – объясняет Ферди.

– Ух ты! Это поинтереснее всякого кино! Твоя первая работа! – говорит Саба.

– Я завидую, – вздыхает Лорел.

– Ну да, наверное.

Из-за того, что в этот день я должна была освободиться рано, Ро попросила меня не занимать вторую половину дня. Они сняли на весь день фотостудию, чтобы успеть отснять как можно больше девушек. Ро объяснила, что, поскольку пока у меня нет никакой оплачиваемой работы, необходимо приступить к созданию портфолио.

Ферди выглядывает в коридор.

– Роб, нам с тобой, наверное, туда.

Те, у кого фамилии начинаются с букв первой половины алфавита, идут к компьютерщикам прямо сейчас. Наша с Сабой и Лорел очередь через час.

– Секунду. – Роб роется в телефоне. – Так, сегодня идет новый фильм из серии «Марвел», мультик Рихар про котят, «Уличные танцы» и немецкий мюзикл.

Все тут же голосуют за «Марвел», кроме Лорел, которая выбирает «Уличные танцы». Ее вариант не проходит.

– Ну вот, – говорю я уныло, – я тоже хотела посмотреть новый «Марвел».

– Я с ними не пойду, – тут же реагирует Ферди. – Посмотрим вместе в выходные или в другой день.

И это еще одна причина, объясняющая, за что я так его люблю.

– Да ничего, ты иди, если хочешь. Мы можем пойти с папой и Милошем.

– Не-а, лучше так. – Он чмокает меня в щеку. – Эй, а почему бы мне не съездить с тобой в Бетнал Грин?

Мне это и в голову не приходило.

– Хм, ну, наверное, это можно. Они же сказали, что мама может прийти, так какая им разница, если вместо нее придешь ты.

– Клево! Как ты думаешь, а они разрешат мне там поснимать?

– Не знаю, но с чего бы им не разрешить.

– Класс. О, нам лучше поторопиться. Роб!

Ребята несутся по коридору и вливаются в процессию, которая направляется в компьютерный класс.

– Идем в столовую? – предлагает Лорел.

Мы направляемся туда, следуя на запах сэндвичей с беконом.

– Ты волнуешься? – спрашивает Лорел.

– Из-за чего?

– Ну как! Фотосессия же!

– Да не особо. Там и стилист, и парикмахеры, и гримеры. Все, что от меня требуется, – поворачиваться и вставать в нужную позу. Они даже пришлют за мной машину, прямо сюда. И никаких интеллектуальных усилий. Я просто манекен, как в витрине, и все.

Мне приходит сообщение с номером машины Эддисона Ли, который повезет нас в Бетнал Грин, где находится фотостудия. Мы целую ВЕЧНОСТЬ торчим в пробке, и я невольно думаю, что на метро по Центральной линии вышло бы быстрее. Как хорошо, что я не одна, а с Ферди. Мы оба играем в дурацкую игрушку на мобильных, в которой надо сортировать цвета по правильному спектру. Это успокаивает.

Ну и жара сегодня, дышать нечем. Черные тучи важно ползут по небу, задевая крыши небоскребов, а мы потихоньку катимся через Сити в Ист-Лондон. У меня побаливает голова – верный знак, что будет гроза с громом и молниями. На ветровое стекло падают первые капли в момент, когда мы выезжаем на мощный булыжниками двор между какими-то складами.

– Приехали, – бурчит водитель, показывая в левое окно.

– Скорее, – тороплю я Ферди. – Я сейчас описаюсь.

Мы бегом поднимаемся по металлической пожарной лестнице, к вывеске «Создание образов». Я молочу в дверь обеими руками и слышу голос Ро:

– Привет, солнце! Уже иду! Сейчас, сейчас!

– Это мой друг, Ферди. Можно он пройдет?

Ну не прогонит же она его, поздно, если даже и нельзя.

– О. – Честно говоря, заметно, что она не в восторге, но через секунду тучи рассеиваются. – Конечно. Очень приятно... Ферди, кажется?

– Ну да. Каи, Каи Фердинанд.

– Привет, а я Ро, агент Яны. – Слышать это как-то странно, но приятно. У меня есть агент. Ничего себе. – Ты классный. Эх, был бы чуточку повыше, жаль... – Она скользит по нему снисходительным взглядом.

Ферди усмехается, а я возмущенно закатываю глаза. Ферди – просто лапочка. Сам себя он называет «пан-этническим». Мама японка, отец наполовину немец, наполовину аргентинец – но никому не под силу догадаться, какова его этническая смесь. Он словно взял по чуть-чуть от каждой из диснеевских принцесс: Жасмин, Мулан, Покахонтас, Моаны.

Следом за Ро мы идем по студии. И снова ощущение такое, что мы выпали из реального мира и через платяной шкаф пробираемся в Нарнию. Студия большая, воздушная и очень светлая, хотя сейчас по стеклянному потолку барабанит дождь. Пол – некрашенные доски, и все это вместе почему-то выглядит очень шикарно, типа, какой-нибудь нью-йоркский лофт. Правда, в Нью-Йорке я ни разу не была и в лофтах тоже. В дальнем конце студии установлен другой задник, окруженный лампами и вентиляторами. Фотограф стоит на коленях, а когда парикмахер отходит в сторону, я вижу, что там снимают Арабеллу.

– О, это Арабелла, – говорю я Ферди.

– Кого я вижу! – кричит она, увидев меня. – Привет, дорогая! Я и не знала, что ты тоже будешь сегодня!

При этом она не двигается с места, прижимая к щеке кремового цвета лилию.

– Да... я тоже. Как дела? – Теперь, когда я вижу знакомое лицо, чувствую себя не так странно.

– Вроде ничего. Как я выгляжу?

Она выглядит *умопомрачительно*: рыжие волосы завиты мелкими колечками, как в эпоху Возрождения, а кожа белая, как у королевы Елизаветы. Платье тоже белое, струящееся – настоящая фея-эльф-дева.

– Сумасшедшая красота, – искренне говорю я, и Арабелла довольно улыбается.

Мы с Ферди неловко подходим ближе к ее декорациям.

– Не двигайся, – предупреждает женщина-фотограф, чуть подправляя ей позу. Потом поднимает руку и щелкает пальцами. – Посмотри-ка туда, куколка, сделай одолжение. – Она очень шикарная, богемная, с колечком в ноздре и фиолетово-пурпурными косичками до пояса. – Вот так... хорошо... сказочно. Очень мило.

– Яна, – говорит Ро, – это Лейла Палмер, один из самых классных лондонских фотографов.

Лейла поднимает голову от камеры и улыбается.

– Привет, малышка, как дела?

– Хорошо, спасибо. – Вытерев ладонь о джинсы, я здороваюсь с ней за руку. Ро нам постоянно твердит, как важно произвести впечатление на людей из модельного бизнеса, так что я мучительно пытаюсь родить хоть какую-то реплику. – Сегодня у меня был первый учебный день в колледже.

– А?

Господи, убейте меня.

– Ну, знаете, это важный день.

Лейла вдруг расплывается в улыбке.

– Ой, дошло! Ты все еще учишься? Ужас какой! С ума сойти!

Она мне уже нравится. Включая ее золотые зубы.

– В колледже перед универом. А это мой друг, Ферди.

– Ферди? Чумовое имя, братан. Как дела?

– Нормально...

– Яна! – прерывает нас Ро. – Пойдем-ка займемся твоими волосами и макияжем, пока Лейла заканчивает с Арабеллой. Есть не хочешь? У нас есть сэндвичи... фрукты... пирожные... Чай или кофе?

– Чай, если можно, – говорю я. Шоколадные брауни выглядят очень аппетитно, но я спиной чувствую: Ро смотрит, что я выберу. – И... всё.

– Ферди?

– Гхм, мне тоже чаю, пожалуйста.

– Отлично, отлично. Пойдем со мной, я все организую. – Мы выходим из основной студии и, пройдя по коридорчику, попадаем в небольшую гримерочную, где кипит жизнь. Пахнет

лаком для волос и подпаленными волосами – думаю, это причесывали Арабеллу. Здесь три стойки с одеждой, ряды разной обуви и какая-то безумная тетка, которая размахивает отпаривателем.

– Хорошая новость, – изрекает Ро, – то, что твои волосы можно привести в порядок за пять секунд, так что ты моя новая фаворитка.

– Это Яна? – спрашивает миниатюрная женщина, блондинка.

– Само собой, это она.

– Батюшки, ну ты и высоченная!

Держаться. Вежливо. И. Профессионально.

– Да уж. Я вообще-то в курсе.

– Яна, это Дебби, она сегодня занимается твоим макияжем. А это Бетани Ангст. Крутейший новый стилист. Все сейчас только и говорят, что о Бетани.

Я о ней слыхом не слыхивала. Безумная тетка воздевает руку с отпаривателем.

– Ух, ты просто потрясная!

Сама Бетани, честно говоря, выглядит так, будто вымазала себя суперклеем и пробежала по Кэмденскому рынку. На ней платье в цветочки психоделической расцветки, несколько метров пластмассовых бус, высокие кроссовки Reebok, а на голове, стриженной «под горшок», красуется ярко-фиолетовый берет.

– Спасибо, – откликаюсь я.

– Эту вешалку пропускаем, там все было для Арабеллы. А эти – твои. – Она вывозит стойки на середину. Там столько всего, что у меня глаза разбегаются, я не различаю деталей, вижу только мех, кожу, пайетки и перья.

– Садись, золотко, – говорит Дебби. – Сейчас мы тебя подготовим...

Ферди снимает, как Дебби и Джон, парень, который занимается прическами, крутятся вокруг меня. Джон феном сушит мои волосы и укладывает гелем, а Дебби накладывает мне на лицо слои грима – что забавно, потому что все агентство буквально сходило с ума от восторга из-за того, что я совсем *не* крашусь. Мои голубые глаза сверкают будто из черного пятна нефти на воде. Я собираюсь снова вынуть из ноздри свое колечко, но Бетани велит его оставить.

Она без перерыва машет этим отпаривателем, пока меня готовят.

– Что тебе нравится, зайка?

Обычно в таких случаях отвечают: «*Вы что, да я в жизни не надену это чудовищное дерьмо*». Но я не думаю, что это те слова, которые она хочет от меня услышать.

– Кхм, я почти никогда не ношу платья... так что... нет. – Я как-то надевала платье на выпускной и чувствовала себя персонажем из «Королевских гонок» Ру Пола.

– Какие цвета тебе нравятся?

– Я обычно ношу черное... иногда серое.

– Ро! – пронзительно кричит Бетани, и Ро бежит к нам со всех ног. – Она снимается в ч/б?

– Возможно. Но и в цвете кое-что тоже нужно.

Бетани выдерживает паузу.

– Ладно, попробуй-ка это... – А что, первый прикид довольно крут. Черный жакет типа смокинга и очень-очень-очень обтягивающие серебристые брючки. – Бюстгальтер снимай! Шевелись, шевелись! – приказывает Бетани. В комнате полно людей, в том числе двое мужчин. – Быстро! Посмотрим, годится ли это.

Стянув лифчик, я прикрываюсь рукой. Потом оглядываюсь на Ферди, и он строит выразительную гримасу, мол: «*Понимаю тебя, это бред*». Бетани без церемоний набрасывает пиджак мне на плечи. К счастью, в застегнутом виде он все закрывает.

– Это Mugler, последний сезон, – сообщает она мне.

– Ясно. – Никогда о нем не слышала. Или о ней. – Мне нравится.

– И вот это надень. – Она протягивает мне пару устрашающе высоких шпилек *Jimmy Choo*.

Туфли немного жмут. Я еле иду в них и к тому же начинаю возвышаться над всеми в комнате, как башня. Прикиньте: если рост девушки пять футов одиннадцать дюймов, то на пятидюймовых каблуках она уже шесть футов и три дюйма.

– Блин, в этих ты очень высокая, – подает голос откуда-то снизу лилипутский Ферди.

– Как я выгляжу? – спрашиваю я. – *Честно*.

– Честно... – Он улыбается. – Ты выглядишь как настоящая модель. Я тобой очень горжусь.

Я понимаю, что это сказано из лучших побуждений, но не знаю, как отнестись к его словам. Пока что я не сделала ничего такого, чтобы мной гордиться.

– Спасибо, – все же благодарю я.

С Бетани по одну руку и Ферди по другую я, ковыляя, возвращаясь в студию.

– Батюшки-светы! – встречает нас Лейла. – Крошка, это чума! Просто чума!

– Яна, ты офигенно выглядишь! – Арабелла кидается к нам, в руке у нее остатки почти съеденного брауни. – Плохо тебе в этих туфлях?

– Я в них пальцев не чувствую!

– Ничего, мы быстро, – успокаивает меня Лейла. – Пойдем, чтобы тебе не пришлось в них долго мучиться.

Меня тащат к новому заднику. Тот – небесно-голубой, на фоне которого снимали Арабеллу, – заменили на тревожный ярко-розовый. Ферди выпускает мою руку, отходит в сторону, и я вдруг чувствую себя очень-очень неуверенно. Собственные руки кажутся мне ненормально длинными, как две макароны, висящие по бокам. Миссис Щекотка¹⁹.

Лейла наводит на меня объектив, и прямо перед носом у меня вспыхивает свет.

– Ой. – Ослепленная, я пячусь назад.

– Не пугайся, это проверочный кадр. Надо же разобраться с уровнями.

Ро сидит в сторонке с ноутбуком.

– Яна. – Она подманивает меня пальцем. – Иди сюда, посмотри.

Я хромаю к ней. Ро разворачивает ноутбук, чтобы показать мне тестовый снимок. Я растерянно моргаю, не веря глазам. Я не похожа на себя. Я похожа на... статую. Даже в таком виде – косолапая, руки висят, рот открыт – я *все равно* выгляжу как девушка из журнала.

– Ой. Вот это да. Неужели это я?

– Это, – Ро аж подпрыгивает немного на высоком табурете, – модель.

– Ро. – К нам сзади подходит Лейла. – Вот эта девушка – звезда. Помани мое слово. Я пока еще не ошибалась.

– О да, я это знаю, детка.

Мне немного неловко перед Арабеллой. Надеюсь, ей сказали то же самое.

– Ну, все. Давай уже сделаем это.

Лейла помогает мне вернуться к середине задника.

– Может, надо, чтобы я что-то *сделала*?

– Просто принимай различные позы, поинтереснее, понеобычнее. Подвигайся так, сляк. Сначала тебе будет казаться, что это глупости, но ты не смущайся, на камеру это выглядит потрясающе. И не бойся перегнуть палку, я подскажу, если что, – говорит она, подмигивая.

Костюмчик – если опять же вспомнить «Королевские гонки» в качестве культурного ориентира – так и голосит: «РЕАЛЬНАЯ БИЗНЕС-ЛЕДИ». Сейчас я не Яна Новак, шестнадцатилетняя студентка колледжа. Я выгляжу как могущественная и властная мегасука. И мне это

¹⁹ На самом деле существует *мистер Щекотка* (Mr Tickle) – человек с очень длинными руками, персонаж мультсериала по мотивам произведений Роджера Харгривза.

нравится. Упираясь рукой в бедро, я мрачно, исподлобья смотрю в камеру. Лейла делает пару снимков.

– Подбородок чуть пониже, детка.

Еще пара.

– Двигайся, Яна, не бойся, – говорит мне Ро.

Я сую руки в карманы.

– Отлично. Замри так! – велит Лейла. – Выгни спинку!

Так продолжается какое-то время. Я немного меняю позы, а Лейла щелкает. Ро то и дело повторяет: «БОЖЕСТВЕННО». Она громко это выкрикивает и хлопает в ладоши, так что я, видимо, делаю то, что ей нужно.

– Ну, с этим, думаю, всё. Теперь давайте переоденем нашу девочку.

Я скидываю шпильки – пальцы пульсируют, мне кажется, что они распухли и стали вдвое толще обычного. Бетани снова ведет меня в гардеробную и стаскивает жакет, оставив меня топless. Ро объясняет, что обнаженка и снимки в нижнем белье для модели обязательны. И мне нужно сделать несколько.

– А пока снимай брючки, роднуля.

Я понимаю, что никто не собирается деликатно отвернуться, чтобы дать мне переодеться, – полагаю, придется привыкать ходить полуголой среди стилистов и прочих. Но мне это кажется странным. В доме Новаков не принято ходить голышом. Серебряные штаны до того узкие, что мне приходится сесть на пол и помогать Бетани их стянуть.

– А теперь надень вот это. – Она протягивает мне пачку с колготками телесного цвета. – Я думаю о платье от Republic of Deen. Что скажешь? – Она снимает с вешалки кожаное платье. Сначала оно кажется мне черным, но при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что на самом деле ткань очень темная – фиолетово-синяя. У платья острые плечи и с одной стороны заклепки.

Я понятия не имею, куда можно было бы в таком пойти, но все равно мне очень нравится.

– Ух ты. Здорово, – говорю я.

– Ты ведь знаешь Republic of Deen? Очень круто, очень молодежно. Тебе пойдет.

Бетани натягивает на меня платье через голову. Очень короткое, оно выглядит вполне рокерским. Затем она пристраивает мне на ноги кожаные сандалии с ремешками на щиколотках. По сравнению с предыдущей эта пара не *настолько* ужасна, так что мне удастся вернуться в студию без поддержки.

Глаза у Ферди практически вылезают на лоб.

– Ух, блин.

– Это хорошо или плохо? – Я смеюсь.

– Ты выглядишь улетно.

– Это точно, – соглашается Арабелла, которая тоже успела переодеться в джинсы и полосатую блузку. – Ты у нас красotka.

Я опять смеюсь и занимаю свое место у задника – на этот раз белого. Дебби и Джон слегка подправляют мне макияж и волосы, и мы начинаем. На этот раз Лейла снимает лежа на полу – в результате на фотографиях мои ноги кажутся обалденно длинными.

К концу съемок я уже не кажусь себе *такой* нелепой. Как бы по-идиотски я себя ни чувствовала, стоя на месте и *притворяясь*, будто иду, картинки на ноутбуке Ро выглядят довольно классно.

– Ты не можешь плохо получиться, детка, – говорит мне Ро. Я догадываюсь, что Том потому и делает свою работу хорошо, что может рассмотреть, кто как будет выглядеть на фотографиях, какими бы замухрышками девчонки ни выглядели в реальной жизни. – Лейла, я думаю, на сегодня достаточно. У нас много материала.

– Уже? Ну, ты злая. – Лейла подходит ко мне и крепко обнимает. – А ты боец, крошка. Я хочу еще тебя поснимать. Я не шучу.

– Правда?

– Абсолютно, блин. Ты все правильно услышала.

– Спасибо.

Я чувствую, что Арабелла тоже ждет похвалы, но Лейла, кажется, не замечает, что она все еще здесь.

– Ты хорошая, детка. И постарайся оставаться такой как можно дольше. Не становись сволочью... хотя, конечно, сволочам живется проще.

Помощник Лейлы начинает снимать задник, а вокруг – настоящий шквал воздушных поцелуев. Я главным образом хочу поскорее разуться. Переодевшись в свои джинсы с курткой, я чувствую, как снова становлюсь обычной, будто Кларк Кент, снова надевающий галстук и очки.

– А кто оплачивает все эти штуки? Такси? Фотографов?

– Ха! Хороший вопрос! Потому что выходит, на самом деле, что за все это платила я!

– Ты можешь объяснить, как это работает?

– Новая модель практически влезает в долги, остается должна своему агентству. Конечно, они оплачивают машины, и фото, и портфолио, и все такое прочее, но все это записывают на твой счет. Они вычитают деньги из твоих заработков.

– А если ты столько не заработаешь, чтобы расплатиться с долгами?

– Вот, ты прямо в точку. Я думаю, это Первый Урок.

– Какой же?

– *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.*

Ателье

– Боже ты мой! Какая ты тут необыкновенная! – Саба захлебывается от восторга.

Вчера вечером Ро прислала мне на почту несколько снимков с моей фотосессии. Я тянусь через стол за своим мобильником. В колледже и столовая лучше, чем в школе. Здесь устроен шведский стол с разными сортами пасты, и вам могут приготовить любой сэндвич или панини. Прелесть что за жизнь! Я сегодня выбрала низкокалорийный обед, с тунцом и плавленым сыром.

– Яна, ты *такая* красивая, – верещит Лорел.

– На котором?

– В кожаном платье! Я в восторге... это очень... ну, я просто хочу сказать, что это... эротично. Только ты не подумай, я не в лесбийском смысле, конечно же.

– Клево. Спасибо, что сформулировала. Да, платье просто крутяк. – Саба возвращает мне телефон.

Снимки, которые обработали и на которых навели глянец, и впрямь невероятны. Я не похожа на себя, выгляжу как какая-то великая воительница из космоса вроде амазонки.

– Дай посмотреть еще раз – другой костюм, – просит Лорел, и я передаю ей телефон. – Ой, тебе звонят!

Смотрю на экран – звонит Ро.

– Это мой агент.

Лорел присвистывает, и они с Сабой покатываются со смеху.

– Вы только послушайте ее! Это мой агент!

Я делаю страшные глаза.

– Ну что такого? Это так называется, *мой агент!* – И в трубку: – Слушаю!

– Яна, привет. Это Ро. У меня только что был очень интересный телефонный разговор – о тебе...

Поспешно выбравшись из-за стола, я направляюсь к дверям на веранду.

– Да?

– Угадай, кому понравились твои снимки?

– Эээ... Мэгги?

– Да, и Мэгги *тоже*, и это, кстати, поразительно, потому что Мэгги трудно чем-то удивить. Но это другой человек, даже лучше. Ну?..

Я никогда не умела играть в угадайку.

– Без понятия.

– Дермот Дин!

По ее голосу я понимаю, что должна запрыгать от восхищения, но...

– А кто это?

– О, Яна, ну что с тобой делать? Я говорила тебе засесть за *Vogue* и *i-D*²⁰?

Я хочу ответить, что, *вообще-то, слегка, самую малость, занята настоящей учебой*, но решаю промолчать. Первая неделя прошла, и за нас взялись всерьез. Надо написать эссе о роли закона в обществе, прочитать кучу стихов Бронте, а еще – самое худшее – мы с Сабой должны написать оригинальный рэп об иммиграции *по-французски*. Полная лажа! И как им только в голову приходят такие дерьмовые идеи?

– Дермот – креативный директор Republic of Deen; ты же помнишь кожаное платье, в котором тебя снимали? Неважно. Главное, он мой друг, и мне захотелось послать ему твою фотку; ты ему ПОНРАВИЛАСЬ!

²⁰ *i-D* – культовый британский журнал, посвященный авангардной моде, музыке, искусству и молодежной культуре.

– Seriously? – Ого, это реально круто.

– О, даже лучше. – Погода сейчас больше напоминает сентябрьскую, и, ходя взад-вперед по лужайке, я начинаю жалеть, что не захватила ничего потеплей тонкого худи. – Ты так ему понравилась, что он спросил, нельзя ли тебя нанять.

У меня сводит живот, будто я катаюсь на аттракционе в Торп-парке.

– Что? Как?

– На Неделю моды, крошка! Это через две недели!

Мысль о подиуме повергает меня в настоящий ужас. Даже мутить начало. Ох, черт, только не это. Вот блин!

– Показ? Но мне сказали, что я на развитии минимум до Рождества.

– Я знаю! Поздравляю тебя! Твой первый заказ! И... он хочет эксклюзив! Йи-хо!

– Что это значит? – В глазах у меня разноцветные круги. Так вот ты какая, паническая атака...

– Это значит, что ты не можешь выходить на других шоу раньше этого. Пойми, он, конечно, не из самых супервеликих дизайнеров, но деньги вполне приличные – пять сотен за дефиле и еще пять за эксклюзив.

– Тысяча фунтов? ОХРЕНЕТЬ! – Мой вскрик разносится над верандой, так что все поднимают головы и смотрят на меня. Неловко.

– Да, понимаю, но для первого раза...

Она поняла меня с точностью до наоборот. Это безумие какое-то. Ферди получает двадцать пять фунтов за смену и приходит домой, воняя кислым молоком.

– Я... а ты правда считаешь, что я готова?

Молчание.

– Не буду врать, нам предстоит много работать над твоей походкой. Тебе нужно учиться ходить на каблучках каждый день до семнадцатого. На следующей неделе кастинг.

Я делаю глубокий вдох. Кажется, съеденный тунец с плавленым сыром просится наружу. Вот пакость.

– Не переживай, Яна. Да, это немного раньше, чем мы планировали. Никто не ожидал, что тебе предложат работу уже в сентябре, но предложение-то прекрасное; отличная возможность ввести тебя в дело легко и плавно. Дермот – симпатяга, и он прямо-таки запал на тебя, дорогая. Не припомню, чтобы он хоть раз заказывал эксклюзив.

– Угу.

Я так испугана, что не могу выдать ни слова.

– Просто сходи на кастинг, и посмотрим, как оно тебе. Я, кстати, тоже пойду, это же твой первый раз.

– Спасибо.

– Через минуту я пришлю тебе на почту все детали. Люблю тебя, малышка моя.

Она вешает трубку, а я бреду себе, как ходячий мертвец, обратно в столовую. Наверное, вид у меня пришибленный, потому что Саба вскакивает и бросается мне навстречу.

– Яна, что? Что случилось?

Я медленно сползаю на скамейку.

– Ничего. Ну, меня только что пригласили на первый показ.

У Сабы глаза лезут на лоб.

– На подиуме?

– Да. Для... как ее там... Republic of Deen... это он сшил то кожаное платье, и ему понравились мои фотографии. Неделя моды в Лондоне...

– О МОЙ БОГ! Яна! – Лорел зажимает рот руками. – Я ОБОЖАЮ Republic of Deen. Они делают эти удивительные сумочки, похожие на маленькие облачка, но стоят они около фунтов двести... может, достанешь мне такую?

Я качаю головой. Такое чувство, что мозг решил биться вместо сердца и теперь хулиганит в моем черепе.

– Я не уверена, что смогу.

– Конечно, сможешь, не будь дурочкой, – говорит Саба.

– Меня мутит. В смысле – как же это, почему так рано? Мне кажется... у меня просто голова отваливается.

– Может, принести тебе ведро? – Лорел вскакивает.

– Не надо, сейчас полегчает...

– Яна, это потрясающе. Мода – штука быстрая, – авторитетно бросает Саба. – Привыкай.

– Это твой первый раз... – Лорел усмехается, а сама прямо дрожит от восторга. – Итак, ты лишишься своей подиумной невинности.

Чтобы ее порадовать, я выдавливаю смешок. Напомните, у кого это на показе с ног свалились туфли? У Наоми, кажется? Мир никогда этого не забудет.

– Это же огонь! – говорит Саба. – Ты – настоящая, живая, реальная модель. Я горжусь тобой, детка. Бог мой... вот стерва, я из-за тебя разревусь, кажется! – Она промокает салфеткой глаза.

– А когда ты станешь знаменитой, будешь проводить нас на вечеринки и приемы? – спрашивает Лорел. – А вдруг ты познакомишься с Кларой Киз? Или Диду, или Домино? Или Уэсли Брайс? Или...

От ее болтовни голова у меня только еще сильнее кружится. Только сейчас до меня доходит, что шутки кончились – очень, очень ясно доходит.

Кажется, я заблудилась.

Хожу туда-сюда по Брик-лейн, и гугл-карты четко направляют меня к закрытому индийскому ресторану. «*Вы прибыли к месту назначения*». Ни фиги я не прибыла. Какая-то женщина с тележкой пытается меня объехать.

– Здрасьте! Извините, вы не подскажете, где здесь дом 14-б? – спрашиваю я.

Она будто не слышит.

– Спасибо!

Корова.

К счастью, в кармане трезвонит мобильник, и это Ро.

– Яна, привет, как ты, добралась?

– Я заблудилась! Стою у какого-то заброшенного индийского кафе, а гугл говорит, что это оно и есть!

– Милая ты моя. Вход на склады с Дрей Уок. Сейчас я выйду, встречу тебя...

Я заворачиваю за угол, и в ту же секунду мне навстречу выскакивает Ро из каких-то неприметных ворот, мимо которых я проходила раз пять.

– Привет, солнышко! Нам сюда.

Видеть ее такое облегчение, что я чуть не плачу, как дура.

– Извини, пожалуйста! Я опоздала?

– Все в порядке. На пять минут – не страшно, только смотри, не привыкай к этому! Боюсь, миф о том, что меньше чем за десять тысяч баксов²¹ нельзя и пальцем шевелить, ушел в прошлое! Поднимаемся.

На нижнем этаже что-то вроде небольшого рынка, и, если не знать, нипочем не догадаешься, что студия – здесь: я ожидала большой яркой вывески, но рядом с дверным звонком только малюсенький логотип.

²¹ Отсылка к известной фразе Евы Евангелисты: «Меньше чем за 10 тысяч долларов я даже с кровати не встану».

– Его ателье здесь, наверху, – бросает на ходу Ро, и я захожу, иду за ней следом – вверх по узкой крутой лестнице. Я снова в своей униформе из черной жилетки, джинсов в обтяжку и конверсов, а в большой сумке туфли на каблуках.

Прежде чем увидеть студию – или ателье, – я ее слышу. Звонят телефоны, гремят шаги, на максимальной громкости надывается Бритни. Это полный хаос.

– Где шёртовы перчатки? – Голос с ирландским акцентом перекрывает шум. – Эйсусом клянусь, эти перчатки меня в гроб вгонят! Неужели это так шёртовски трудно сделать, как я прошу?

– Курьер уже в пути, Дермот. Она сказала, в три – самое позднее.

– Да? Ну, скажи ей, что одну перчатку я оставлю специально, чтоб засунуть в ее снобскую задницу.

Все это похоже на улей: рабочие пчелы роятся вокруг своей матки. В данном случае пчелиная матка – коренастый бородатый мужчина в потрясающих очках и *реально* крутых высоких кроссовках Adidas с пушистыми плюшевыми мишками. Чудно, правда? Бывает же, что человек нравится прямо сразу, как только его увидишь. Так бы и обняла его.

При виде меня у Дермота Дина вспыхивают глаза.

– Ух ты! Это же она!

– Дермот Дин, это Яна. Яна, это Дермот!

– Ты идеальна! Народ! Перестаньте заниматься шёрт знает шем, трутни, и поздоровайтесь с Яной!

– ПРИВЕТ, ЯНА! – дружным хором приветствуют меня трутни.

Не забывай о вежливости.

– Привет, извините за опоздание. Я... я... не могла... найти дверь.

– Ох, и не говори, лапа, ее никто не может найти. Постоянно твержу, что надо повесить большую вывеску на воротах. Боюсь, что и перчатки мои доставят в индийский ресторан дальше по улице.

Он протягивает мне руку, и я стараюсь успокоиться. Поняв, что я не одна такая, я благодарно улыбаюсь. Студия не так велика, как я ожидала, но, возможно, так только кажется, потому что нас со всех сторон окружают портновские манекены – и все они полуодеты.

– Извини за беспорядок, – говорит Дермот, – до показа остается неделя, и мне все чаще приходит одна мысль: когда-нибудь я все-таки решусь, закуплю в промышленном количестве маленьких черных платьев в «Праймарк» и просто нашью на них свои лейблы. Хочешь кофе, солнце мое?

– Спасибо, мне бы просто воды.

– Ричи! Какого шёрта, где его носит? Мария, мать Бога нашего, пошли мне стажера, хоть отдаленно похожего на разумное существо. РИЧИ!

По лестнице взбегают парнишка с громадной картонной коробкой.

– Думаю, это – перчатки, – задыхаясь, сообщает он.

– Ах, шёрт, аллилуйя! Наконец-то! Ричи, сгоняй вниз, в кофейню. Мне мокрый кортадо, для Яны воду – с газом или без?

– Эээ, лучше без...

– Воду без газа, ну, и кто там еще чего хочет. И, умоляю, поживей, пока у меня не начались судороги из-за синдрома отмены. – Бедный малый торопится со всех ног. – Вообще-то, он симпатяга. И минет исполняет просто *великолепно*.

Я честно не понимаю, что это была шутка, пока Ро не начинает хихикать – и тогда я *предполагаю*, что он пошутил. Хочется верить, что правда пошутил.

Вспомнив совет Ро – задавать вопросы и проявлять интерес, – я начинаю.

– Как дела... с новой одеждой? – Надеюсь, что не наступила на большую мозоль.

– О, я в полном восторге! – отвечает Дермот. – Скажу по секрету: настоящее название – «Династия Дин» – навеяно мыльной оперой!

Видимо, взгляд у меня тупой и бессмысленный.

– Господи, ты о ней понятия не имеешь, да? Блин, убейте меня, какой я старый! Алексис Кэррингтон? Джоан Коллинз?

Я виновато пожимаю плечами.

– Ты же совсем ребенок, верно? Представь, это было в восьмидесятых, за двадцать лет до того, как тебя зачали!

Шмотки, которые я вижу на манекенах, как будто сделаны из конфетных оберток. Материал сверкающий, с металлическим блеском, но это натуральная кожа. Огромные накладные плечи и оборки.

– Это очень круто, – говорю я, хотя сама ничего из этого не надела бы, буквально ничего. Если бы мне не платили – и, если хорошенько об этом задуматься, то...

– Ты такая милая! Очаровательна! Спасибо, что согласилась прийти, Яна. Стоило мне увидеть твое лицо – ты меня сразу ОКОЛДОВАЛА. Я сказал своей подруге Ровенне, я ей сказал: «Эта девочка, Яна, – новая Лекс, ни больше ни меньше».

– Да, – подтверждает Ро.

– Лекс открывала мой первый показ еще в 2010-м. Обожаю эту девушку, но (только ей не передавай, а то она, шертовка, шкуру с меня спустит и натянет на себя) ты еще круче, я уверен! Ноги! Скулы! Безумно красивая!

– Даже не знаю, что ответить. – Я обхватываю себя руками. – Передам маме и папе – это же, наверное, благодаря их генам.

Дермот заливисто хохочет – честно говоря, немного громче, чем заслуживает моя убогая шутка.

– Милая моя, давай нацепим на тебя что-то из одежды. Представляешь, я и сам впервые увижу их на модели! Вау!

– Надеюсь, я их не помну...

Они ржут так, БУДТО Я СОСТРИЛА. А я даже не думала шутить. Ничуть.

Здесь есть складная ширма, где мне предлагают переодеться, но, как и раньше, уединиться невозможно. Я раздеваюсь до белья телесного цвета (думая попутно, а какого же цвета «телесное» белье носят темнокожие модели), и за ширму влетают Дермот и его ассистентка Клои с разными нарядами для меня, оживленно обсуждая какие-то поправки и доделки. Портновский сантиметр обвивается вокруг меня, как удав из «Книги джунглей».

– А вы... – говорю я, пока он обмеряет мне бедра, – всегда хотели стать дизайнером?

– О да, – воодушевляется Дермот. – Первое платье, кстати, я сшил для Барби, куклы моей младшей сестренки Броны. Удивительно, но то платьице было похоже на это. А когда я подросток, то уже точно знал, что рано или поздно унесу ноги из Голуэя и поеду в Лондон.

– И у вас получилось!

– Сладкая моя, это было нелегко. Когда-нибудь я напишу мемуары, и у тебя от ужаса молоко свернется. Ох, что мне пришлось пережить, чтобы стать стажером в Лондоне... Но да, малыш Дермот Маклафлин стал Дермотом Дином, потому что ни одна гребаная сучка не могла выговорить мое имя без ошибки, а потом, кто бы мог подумать, Венера Ардито надела одну из моих футболок и прошла в ней по сцене в Гластонбери – и покатилося. Вот почему она здесь...

Он кивает на гигантский, в стиле поп-арт, портрет Венеры в вульгарной золотой раме, который занимает почти всю стену в студии.

– Понятно!

– Представляешь! Фантастика! И вот мы уже готовимся к десятой годовщине Republic of Deep. Летит время... Ну-ка, натягивай это прямо через свою тыковку.

Он протягивает мне блестящее фиолетовое платье с одним острым плечом. Пока я пытаюсь сообразить, о чем он говорит, он набрасывает его на меня сверху.

– Молнию еще не вшили, – бормочет он, наглухо закалывая на мне платье. – А туфли придут в понедельник.

– У меня с собой есть пара, – начинаю я, но ассистентка уже протягивает мне другую пару. Это что-то из последнего сезона – золотые сапожки по щиколотку. На мое счастье, толстые каблукки не *такие уж* высокие.

– Знаешь что? – говорит он. – Перчатки-то никудышные, шертовски дрянные, и о чем я только думал? – И он кидает кожаные бирюзовые перчатки через всю студию прямо в мусорную корзину.

– Я не хочу врать, – шепчу я Дермоту, когда Ро отходит за кофе. – Скаут нашел меня всего два месяца назад, и у меня не походка, а дерьмо.

Он от души смеется.

– Ну, дела! Такое я вижу впервые! Честная модель! Но тебе повезло: я обожаю странные походки. Не люблю шаблонных девушек на одно лицо. У меня все девчонки фрики и чокнутые.

Я застегиваю молнию на сапоге и, пошатываясь, встаю.

– Окей, тогда вы обратились по адресу.

– Главное – не упади. А если свалишься, пошлешь все к шёрту, посмеешься и дальше пойдешь. Покажи товар лицом, малышка.

Тут, как по волшебству, в плей-листе меняется исполнитель, начинает петь Венера Ардито – я решаю, что это добрый знак. Длина студии всего-то метров десять. Я стараюсь идти, попадая в ритм, вспоминая все, чему меня учили. Присаживаюсь на бедра. Немного машу руками. У двери я останавливаюсь, поворачиваюсь и иду назад.

– Видишь? – спрашивает Дермот. – И что в этом такого трудного?

– У меня получилось?

– Детка, это было сказочно! Я просто хотел убедиться, что ты в принципе можешь переставлять ноги. Ох уж все эти бредни насчет «правильной походки»! Раз ты попадаешь в такт, все превосходно!

– Великолепно, Яна, ты молодец, – подтверждает Ро, хотя на лице у нее вот такими буквами несмываемым маркером написано: «ФИ!»

Я смотрю на себя в зеркало.

Хватит, пора забыть об этих бреднях про старую меня, робкую скромницу.

Знаете что? Я выгляжу как шёртова модель!

Неделя моды

Мне еще многому предстоит научиться. За неделю до НМЛ (т. е. Недели моды в Лондоне) проходит Неделя моды в Нью-Йорке, так что в «Престиже» все сходят с ума. За целую неделю со мной ни разу не выходят на связь. Было принято решение, что слишком рано для моей «карьеры» вывозить меня в Нью-Йорк. Если честно, мне вполне хватает нагрузок в колледже, чтобы беспокоиться из-за поездок за границу.

Зато уже начались СНЫ. Сны, в которых я падаю и все надо мной смеются, сны, когда прямо на подиуме у меня начинаются месячные, сны, в которых я так крепко сплю, что пропускаю весь показ. Каждый день теперь я вскакиваю в пять утра и больше не могу заснуть.

С колледжем все непросто. Я пока сама не определилась, как к нему относиться. Здесь все не так, как в школе. Счастье, что на французский и английский я хожу вместе с Сабой, а на социологию с Лорел, Робинот и Ферди – рядом всегда кто-то есть, но мне ужасно не хватает нашей тусовки. Похоже, нам уже не быть всем вместе. Учиться *трудно*, труднее, чем в выпускном классе, а ведь все еще только начинается. Вчера вечером у меня была очередная примерка в Republic of Deen, и перевод французского текста пришлось делать в поезде по дороге домой, в одиннадцать. Глаза все время слипаются, словно в них накапали суперклея.

Еще хуже то, что моя репутация, судя по всему, тянется со мной из Холлитона.

– Эй! – В коридоре какой-то мелкий прыщавый хорек пытается пристроиться и попасть со мной в ногу. – А правда, что ты модель-транссексуал?

– Ясное дело, – отвечаю я не моргнув глазом. – А что, нельзя?

– Поганец, – шипит Саба – она идет по другую сторону от меня.

– Это правда! – Хорек бегом возвращается к своим друзьям. – Она признала!

– Тебе надо было его ущипнуть.

– Нельзя выходить из себя. – Я только плечами пожимаю. Ладно бы только мальчишки. Я отлично вижу, как девочки – девочки, которые не ходили в мою старую школу, – поглядывают на меня издали и пихают друг дружку. «*Вот та модель*», – шепчутся они и брезгливо морщат носы. Иногда еще добавляют: «*Но она же страшная*».

– Они просто завидуют, – утешает Саба.

– Тут нечему завидовать. – Мы с ней идем на английский, и мне заранее скучно при мысли о полутора часах обсуждения «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Ах, она переспала до того, как вышла замуж, представляете? Интересно, можно мне честно высказаться в сочинении, что я обо всем этом думаю?

– Ты так считаешь, дитя мое?

– На самом-то деле я еще ничего такого не сделала. – Я и правда, с одной стороны, чувствую свое превосходство, но, с другой, все очень хреново. Потому что меня, конечно, наняли, но выгляжу я до сих пор уродиной, это очевидно.

Саба хлопает длинными ресницами. Она недавно нарастила их – получилось, мне кажется, немного жутковато – в маникюрном салоне «К ногтю», напротив метро.

– Ты как, кайфуешь? Завтра же показ Republic of Deen.

– А сегодня куча уроков, а потом финальная примерка.

– Ты что, прекрати! Я за тебя вся испереживалась! Ты вот это видела? – Она вынимает из сумки свой айпад и разворачивает ко мне экраном.

– Что это?

– Американский Vogue назвал показ Republic of Deen самым главным событием Лондонской недели моды.

Я прокручиваю текст.

«Коллекция Дермота Дина, которая год от года становится все более удобной в носке, неизменно оставаясь озорной, распродается мгновенно. Анонсы Republic of Deep демонстрируют сильное, но стильное влияние восьмидесятых с ярко выраженной женственной эстетикой».

– Что все это значит? Это вообще по-английски?

– Какая разница? Он стоит в рейтинге выше Burberry и Erdem! Боже, а что, если там будет Анна Винтур? Вдруг ты познакомишься с самой Анной Винтур?

– С кем?

Саба довольно больно выкручивает мне ухо.

– Вымой свой поганный рот, невежда. Это же главная легенда *Vogue*! Ты должна знать таких людей, Яна.

Потирая ухо, я улыбаюсь.

– Зачем, когда у меня есть ты? – И я кладу голову ей на плечо, пока мы вместе поднимаемся по лестнице.

Внезапно Саба останавливается.

– Ты что?

– Посмотри туда...

На другом конце опоясывающего высокий холл балкона я вижу Лорел, ожидающую, когда откроют аудиторию. У нее сейчас медиаведение. Стоит она с Гарри Дейли – близнецом Хезер, чуть менее противным, чем сестра. Встрепанные волосы, как у певца из поп-группы, ямочки на щеках. Девчонки к нему липнут. Я воспринимаю его как человеческий эквивалент дешевых соленых чипсов.

Что сразу бросается в глаза – Лорел с ним кокетничает. А когда дело доходит до флирта, Лорел не знает удержу. Даже сейчас, с расстояния в десять метров, видно, что она хлопает глазами, будто от нервного тика, и трясет волосами. У Лорел имеется теория, что мальчики балдеют от запаха волос, вот она и старается донести его до Гарри.

– Ну, она и бесстыдница, – смеется Саба.

– погоди, Лорел и Гарри?... Как так? Давно ли?

– Обалдеть. Она тебе ничего не рассказывала?

– Нет, – отвечаю я. – А тебе?

– Нет.

Это даже как-то странно. Обычно Лорел больше всех болтает в нашем групповом чате. Но, вспоминая я, в последнее время она что-то притихла. С Лорел надо быть осторожнее, язык у нее за зубами не держится. Ну и пусть – моих измученных мозгов все равно не хватит на то, чтобы анализировать все, что я ей говорила, а *при этом еще* учиться и участвовать в Неделе моды.

Яна: Что я вам скажу!..

Саба: Что?

Лорел:???

Яна: Из агентства написали, что... дефиле открывает КЛАРА КИЗ!!!

Лорел: Я сейчас умру! Не может быть!

Саба: ИДИ НА ФИГ.

Яна: Я ЗНАЮ.

Лорел: Задружись с ней и пригласи куда-нибудь, чтобы мы с ней тоже познакомились!!!!

Саба: Бесполезно,дохлый номер. ДОХЛЫЙ. Покойник.

Подиум

Я просыпаюсь в четыре, пять, шесть часов в панике, что проспала и не услышала будильник. Засыпая, снова вижу кошмары: то я падаю, то не ходят ноги, то у выхода на подиум на меня плюет Хезер Дейли.

Учитывая, что я только что опомнилась после последней, хаотичной примерки в ателье Дермота, удивительно, что я вообще смогла заснуть.

В конце концов, будильник срабатывает, и я тянусь за мобильником. Набираю номер Ферди. Звоню долго.

– Яна? Что у тебя случилось? – сипит Ферди.

– Я не хочу этого делать.

Ему не нужно уточнять, о чем речь.

– Яна. Ты просто распахивалась не по-детски. Нервишки шалят.

Я прижимаюсь лицом к подушке. Пахнет не очень.

– Точно. И они говорят: не делай этого, не ходи туда.

Он фыркает на другом конце провода.

– Ой, ты еще спал, наверное?

– Спал. Но ничего, все норм.

– Извини, бро.

– Я не хочу умалять значение того, что ты делаешь, но, прости меня, Яна, от тебя требуется всего-навсего пройти по прямой.

– И не упасть!

– Вот именно. Хочешь, я пойду с тобой?

Я сажусь в постели.

– А ты пойдешь?

– Конечно. Почему нет?

Мне в голову приходит, что ради Ферди я могла бы это сделать.

– Уверен?

– Ага. Скажи, во сколько надо быть на станции?

Мы договариваемся, и я за уши тяну себя в душ. Не знаю, что меня сегодня ждет, но уж предоставить Дермоту Дину свое тело в чистоте я обязана. Я решаю побрить ноги, и, *конечно*, на узловатой коленке бритва соскальзывает. Почему этого не бывает в обычные спокойные дни?

– Блин!

Надеюсь, порез удастся загримировать. Без слез смотреть на эту мини-улыбочку невозможно.

Пытаясь справиться с нервами, звенящими, как колокольчики на ветру, я снова думаю о Ферди. Перед экзаменами мне это тоже помогало. Знаю, что прозвучит слюняво, но мы с Ферди – единственная стабильность в моей жизни. Да еще, наверное, мама, папа и Милош. Понимаете, мне достаточно просто подумать о Ферди, чтобы успокоиться. Когда он рядом, ничего особо ужасного не может произойти.

Сначала мы были друзьями. Оба готовились к выпускному экзамену по изобразительному искусству, а наш старый учитель, мистер Мелвин, был очень демократичен. В тесном, заляпанном красками классе мы слушали «Музыку шестого канала» и могли приходить и уходить, когда захотим. Открытая дверь, как ни странно, так на нас повлияла, что все решили остаться.

Мы с Ферди были одноклассниками с десяти лет, но до этих совместных уроков и пяти слов не сказали друг другу. А на уроке первая же его фраза содержала слово «вагинальный». Я серьезно.

Нам задали изучить работу какого-то знаменитого художника, а я была тогда немного – нет, очень – наивной и выбрала Джорджию О'Кифф. Откуда мне было знать, что иногда ее роскошные цветы интерпретируют как влагалища? В общем, в то утро Ферди, проходя мимо моего стола, заметил, что некоторым критикам эти картины кажутся «вагинальными». При этом он покраснел, как маков цвет.

– Серьезно? – переспросила я, наклонив голову и всматриваясь в ее «Красную канну внутри».

– Ну, по крайней мере, кое-кто так думает, – промямлил он.

– Ой, да. Теперь и я это вижу, – улынулась я ему. И это было как с Евой, которая увидела Адама по-новому после того, как откусила сочный кусок того яблока. Я знала Ферди годами, но тут вдруг *увидела* его. – М-да, это засада.

– Хочешь, я найду какую-нибудь фаллическую скульптуру побольше или что-то еще в том же духе, чтобы ты была не одна?

Я прыснула. И продолжала смеяться до самого конца того солнечного денька. Даже невозмутимый мистер Мелвин велел нам вернуться к работе. После этого мне все время хотелось быть с Ферди рядом, потому что он меня смешил. На большой перемене я неслась туда, где был он, а потом заметила, что жду занятий по искусству больше всего на неделе.

Мне повезло: он чувствовал то же самое, иначе было бы дерьмово.

На этот раз в агентстве решили не рисковать и не проверять, найду ли я нужное место самостоятельно. Так что сначала мы с Ферди едем в «Престиж», с которого у меня все началось.

Там полный хаос.

Похоже на финальную сцену фильма ужасов, только там бродят перемазанные в крови выжившие герои, а здесь – худые и очень высокие девушки, которые курят на улице, не выпуская сигареты изо рта, и таскают еду с буфетной стойки. Множество подносов с выпечкой стоят нетронутыми, а костлявые пальцы нацеливаются на бананы и обезжиренные йогурты. Офис загроможден чемоданами на колесах, а телефоны звонят, звонят, звонят...

– Яна, крошка моя. – К нам подбегает Ро и крепко обнимает меня. По виду она напоминает вулкан, который вот-вот начнет извергаться. – Умница, рано пришла, возьми с полки пирожок. Ты завтракала? Давай-ка подкрепись, там круассаны и что захочешь. Ой, да, и захвати с собой пару бутылочек воды, вдруг ждать придется.

– Со мной Ферди, – говорю я, тыкая пальцем себе за плечо. – Можно ему пойти на показ? Ро морщит лоб.

– Ой, золотко, даже не знаю. Только по билетам. Если каждая модель приведет с собой друзей и родственников... попробуем устроить его за кулисами.

– Да ничего, я могу и на улице подождать, – вякает Ферди.

– РОВЕННА! – Вопль Мэгги разносится на весь офис. – Где Виктория?

– Она в машине, едет из Уимблдона.

– Уимблдон? Почему она едет из Уимблдона? Пусть только появится, я намылю ее тощую шею! А Клара-то хоть появилась?

Ро вздыхает.

– Надо бежать искать девочек. Там у входа Эдди Ли, он отвезет вас на место проведения показа. – Она с усталым видом кивает в сторону Ферди: – Возьми его с собой, посмотри, что скажет продюсер.

У дверей ждет черный автомобиль. Из надписи на лобовом стекле я вижу, что он должен везти и Викторию, поэтому делаю вывод, что она тоже участвует в показе Дермота. Ро кричит водителю, чтобы вез нас, не дожидаясь больше никого.

– По-моему, она меня ненавидит, – говорит Ферди, когда машина трогается с места.

– Перебьется. Я скажу, что ты моя собака-поводырь или зайчик-антистресс – что-нибудь придумаю.

Он смеется.

– Честно, я вообще не против подождать и выпить кофейку где-нибудь на улице.

– Нетушки. – Я хватаюсь за его руку как за соломинку. – Мы тебя протащим. Я хочу, чтобы ты там был.

Уверена, пешком мы бы быстрее дошли. Спуститься по Риджент-стрит в сторону Сити – двадцать минут. Из расписания, присланного Ро, я уясняю, что показ Republic of Deen происходит в заброшенном банковском хранилище – довольно круто, на мой взгляд. Шоу начнется не раньше часа, но мы должны быть на репетиции к десяти.

Чем ближе мы подъезжаем, тем сильнее шалют мои нервы, да еще и снова начинает бурлить в животе.

К счастью, водитель знает, куда ехать, и, ориентируясь на знак «ЛНМ» (Лондонская неделя моды, теперь я уже знаю), останавливается позади старого здания банка, у пожарной лестницы. Мы выходим из машины, и навстречу нам выбегает какая-то служительница в люминесцентной накидке.

– Привет, я Яна Новак.

Она проверяет свой список и протягивает мне бейдж на шнурке.

– А это кто?

– Мой личный фотограф... в агентстве сказали, что о нем предупредили заранее, так что он может приехать, – откровенно лгу я. Надеюсь, в этой суматохе ни у кого руки не дойдут проверить.

Девушка закатывает глаза.

– Ладно, это неважно, только не мешай и... – Она указывает на камеру на шее Ферди. – Вот это убери прямо сейчас. Только официальные фотографии.

– Без проблем. – Ферди убирает камеру в рюкзак и тоже получает шнурок.

Мы, как Гензель и Гретель, идем по стрелкам, на которых написано «МОДЕЛИ + ПЕРСОНАЛ», и они уводят нас глубоко под землю. В здании пахнет сыростью, и мне становится интересно, сколько же времени оно уже пустует.

– До чего же тут круто, – говорит Ферди, водя пальцем по надколотым плиткам, которыми облицованы стены. Его голосу вторит эхо. Все здесь в холодных нефритово-зеленых тонах, если я хоть что-то понимаю, стиль называется ар-деко. Пол украшен орнаментом из морских раковин – там, конечно, где плитка уцелела, а не разбита вдребезги.

Впереди слышатся голоса и шум. Спустившись еще на один пролет по лестнице, мы попадаем в старое хранилище.

– Ух, вот это да! – вырывается у меня. Огромная дверь распахнута настежь, и прямо от нее через все хранилище идет подиум. Светящиеся неоновые трубки – хитроумно изогнутые во все стороны – как будто прорастают вниз из путаницы кабелей на потолке, а вдоль подиума расставлены сотни офисных вентиляторов всех сортов и размеров. Это и *впрямь* что-то из категории «для реальных бизнес-леди».

Рядом со мной вырастает стажер Ричи и, схватив меня за руку, тащит за собой.

– К нам пришла Яна, – сообщает он в рацию.

В ответ рация трещит.

– Привет, я не одна, а со своим пар... – начинаю я.

– Без разницы. Нам нужно бежать на прическу и макияж. Мы опаздываем.

За кулисами совсем не так потрясающе, как в зале. Бесконечные ряды вешалок с одеждой, во всех углах гладят платья, так что стоит пар – как в сауне. На складных столиках разложена еда, за такими же столами работают стилисты и гримеры. Дермот, потный и красный, вертит в руке бутылочку «Пептобисмола»²².

Я решаю не беспокоить его. Интересно, существует ли какая-то иерархия в выходе моделей – во всяком случае, Клары Киз пока не видно. Возможно, самые известные выходят в конце. Ричи отправляет меня на укладку и макияж.

²² Пептобисмол – микстура от диареи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.